

СЕРГЕЙ МАТРОСОВ

Наследие богов

КНИГА ТРЕТЬЯ.
12 АПОСТОЛОВ

Сергей Матросов

**Наследие богов. Книга
третья. 12 апостолов**

«Издательские решения»

Матросов С.

Наследие богов. Книга третья. 12 апостолов / С. Матросов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857005-6

Этруская цивилизация, греческие боги Олимпа, славянские племена на Балканах, падение Хазарии и непростое решение в принятии истинной веры князем Владимиром. Как может быть это всё связано между собой? Ответ на этот вопрос дают хранители древних знаний тайного города Китеж.

ISBN 978-5-44-857005-6

© Матросов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наследие богов Книга третья. 12 апостолов

Сергей Матросов

© Сергей Матросов, 2017

ISBN 978-5-4485-7005-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Темнело быстро. Солнце, завершая свой дневной бег по небосклону, ушло за белесую дымку горизонта, рассыпав за собой липкую вечернюю мглу. Дозорные на большой башне крепости, до рези в глазах, всматривались в почерневшую воду Дона, пытаясь разглядеть на речной глади контуры небольших лодок. За крепостными стенами маячили железные шлемы воинов и торчащие вверх острые наконечники копий. Лучники, находящиеся у бойниц, уже уложили смертоносные стрелы на ложе огромных дальнобойных луков, и по первой команде своего начальника приготовились пустить их в коварного врага, который по разным сведениям находился уже совсем где-то рядом с Белой Вежей. Это был последний оплот огромного Хазарского каганата, расположенного между четырёх морей, с немногочисленной правящей верхушкой, проповедующей иудаизм, как некий канон вершителей людских судеб. Город – крепость Саркел или Белая Вежа находился под угрозой полного истребления, как и вся великая империя, единственная, в своём роде, имевшая право по религиозному учению, проповедовать жизнеотрицание. Результатом такого приравнивания лжи к истине являлась доктрина узаконенного человекоубийства, которая была готова уйти в историю. Дни Хазарии были сочтены.

У водных ворот, прямо на причале собралось немалое количество местной знати, одетой в самые дорогие одежды. Переминаясь с ноги на ногу, их головы качались, словно листья на ветру, выдавая предельное нетерпение предстоящей встрече. Детвора, не обременённая взрослыми переживаниями, тут же с весёлыми криками носилась у ног родителей, играя в свои детские игры. В крепости со стороны реки ждали с новостями самого царевича Иосифа. Напряжение в толпе достигло предела, когда серая мгла переросла в кромешную темноту. Факелы не жгли, боясь в их отсвете пропустить ладью важного гостя. Наконец с высокой башни раздался крик дозорного:

– Идут! Две большие лодки на вёслах!

По толпе встречающих прокатился тихий ропот, а головы закачались быстрее, словно ветер неожиданно усилился. Начальник крепости Шафрут кинулся к водным воротам и на бегу прикрикнул на своих воинов:

– Чего возитесь, безрукие! Открывай! Да живее, живее, неповоротливые! – Он подбежал к самой кромке причала, и обернувшись, указал пальцем на прикреплённые к стене огромные светильники. – Зажгите огонь!

Несколько человек из личной охраны начальника тут же выполнили его команду. Яркий жёлтый свет, вырвавшийся из жерл настенных факелов, озарил весь причал и выхватил из темноты несколько десятков встречающих из числа местной знати. Дети притихли, ропот голосов в толпе смолк, а качание голов прекратилось как по команде. К причалу подходила первая лодка с четырьмя гребцами на борту. К всеобщему удивлению она была пуста. Кроме гребцов в ней ни кого не было. Во второй лодке, подошедшей следом, помимо гребцов был только один человек, закутанный в тёмный плащ. Когда он поднялся на деревянный помост причала, плащ распахнулся, и все встречающие как один преклонили колена. Перед ними в полном боевом вооружении, железном позолоченном нагруднике с непокрытой головой, стоял сам царевич Иосиф. Его молодое лицо, на котором едва пробивался юношеский пушок над верхней губой и подбородке, было бы похоже совсем на мальчишеское, однако не по-детски строгий и властный взгляд заставлял его подопечных опускать глаза.

– Проклятые русы! Столицы больше нет! – Громкий его голос разнёсся, казалось, по всей крепости. – Каган убит, армия разбита! От крови избранного народа покраснела вода в Волге! Итиль пал первым. За ним орды русов сравняли с землёй Семендер. – Голос царевича, утратив силу, стал переходить почти на шёпот. – Святослав пришёл по воде, откуда его никто не ждал.

Нас предали. Трусливые и жалкие волжские болгары отдали русам все свои лоды. Рать русов пришла с верховьев Волги. Никто не ждал такого коварного удара в спину.

Царевича обступили со всех сторон и ловили каждый его звук. Новость была страшная.

– Хазарии больше нет, как нет и избранного народа. – Иосиф оглядел своих братьев по вере потускневшим от горя взглядом. – Орды русов уничтожили Хазарию. Белая Вежа – последний оплот иудеев. Тех, кто стоит над всем миром. Мы будем биться за неё и за нашу веру до последнего человека. Другого пути у нас нет.

Неожиданно царевич расправил плечи и высоко поднял голову.

– Шафрут!

Где-то рядом сразу же раздался голос:

– Я здесь, мой господин.

– Собери в своём доме всех детей. Пусть родители приготовят их в дорогу. Я буду говорить с ними.

Приказ царевича был выполнен мгновенно. Ожидая худшего, вся знать, давно собрала всё самое ценное и была готова быстро покинуть крепость. Слова Иосифа, касающиеся только детей, несколько озадачили готовых кинуться наутёк взрослых, и ввела в их ряды некую сумятицу. Послышались недовольные высказывания и тихий ропот, привыкших повелевать другими. Когда в доме Шафрута собрались все, кто встречал Иосифа на причале, голоса недовольных стали громче, а растерянные мамы крепко прижимали детей к себе, инстинктивно чувствуя приближающуюся разлуку. Иосиф поднялся на возвышение, поднял вверх правую руку, заставляя недовольных закрыть рты и начал говорить сильным уверенным голосом, обращаясь непосредственно к детям:

– Дети! Защитники Белой Вежи – последние воины Хазарии. Сила русов велика, но мы готовы умереть за наши земли и нашу веру. Мы готовы идти насмерть, чтобы спасти вас. Вы наша надежда в будущем. Вы спасётесь и продолжите наше дело. Вам будет трудно, потому, что у вас больше не будет родины. Хазария пала. Вы разъедитесь по чужим землям, и будете создавать новые семьи. Помните дети, что нас в других землях ненавидят и гонят больше тысячи лет. Вашей защитой будет Тора, Талмуд и тайное знание о том, что иудеям суждено править всем миром. После нас останутся большие деньги торговых домов на западе, востоке и юге, а так же крепкие связи в стольных городах.

Иосиф перевёл дух и тут все заметили, как глаза его налились ненавистью, а пальцы руки, протянутой вперёд, сжались в кулак.

– Посмотрите, кто нас победил? Нищие русы, у которых ничего нет, кроме землянок, в которых они живут, а их князь Святослав спит под открытым небом, не имея даже шатра. Это варвары, гои, не имеющие понятия о сытой и богатой жизни. Отомстите им за нас, за нашу веру, за Хазарию! Отомстите русам, сколько бы не минуло лет! Верю, что звезда Давида воссияет на нашем небосклоне и Хазария возродится, как феникс из пепла.

В большом зале повисла тишина, нарушаемая треском горящих факелов. Из толпы людей неожиданно раздался неуверенный голос:

– Что ты, царевич, намерен делать с нашими детьми?

– Дети сядут в одну из лодок, которую я привёл с собой и её спустят в низовья Дона. Там их встретят и разведут по всему свету. Люди готовы и ждут.

– А как же мы? Мы же их родители! Может, будет лучше, если с детьми пойдут их родители?

Иосиф сверкнул глазами.

– Все остальные пойдут на стены крепости защищать Белую Вежу от русов.

Царевич спустился с возвышенности и бросил в загудевшую толпу:

– Я всё сказал. Детей, не мешкая, проводите к лодке. Да поспешите. Враг уже рядом.

Стремительным шагом Иосиф покинул дом Шафрута и направился к главной башне. За ним неотступно следовал, как тень юноша, поверх одежды которого была надета кольчуга, скованная из толстых железных колец, а на голове возвышался островерхий шлем. Меч в его ножнах был совсем не детский, да и кинжал у пояса – всё это, и сама манера двигаться выдавали в нём не по возрасту искусного воина. Подойдя к входу в башню, царевич неожиданно остановился и обернулся к своему провожатому.

– Послушай, Добрыня. У меня есть прекрасный план, как разрушить русов изнутри. – Юноша, которого называли Добрыней, тут же остановился и с неподдельным интересом посмотрел на царевича. Тот продолжил свою мысль: – Это потребует некоторого времени, но точно ударит в самое сердце русов. Только в этом деле мне не обойтись без твоей поддержки. Ты готов помочь мне в этом деле?

Добрыня набрал в рот воздуха, чтобы ответить, но царевич положил свою руку на его плечо и не дал ему заговорить:

– Ты прекрасный воин, Добрыня, а ещё у тебя светлая голова. Думаю, что кроме тебя никто не справится с этим.

Юноша в знак благодарности наклонил голову.

– Я слушаю тебя царевич. Всё, что скажешь, почту за честь исполнить, даже если придётся отдать свою жизнь для этого.

– Ну, ну. – Иосиф слегка хлопнул его по плечу своей рукой. – Твоя жизнь теперь бесценна. – Он оглянулся по сторонам, убеждаясь, что их никто не слышит. – Скажи мне, где сейчас твоя сестра Малуша?

Добрыня удивился такому вниманию царевича.

– В крепости. Где же ей ещё быть?

– Прекрасно. – У Иосифа заблестели глаза, и заметно поднялось настроение. – Прекрасно. Теперь слушай меня внимательно Добрыня.

Тот выпрямился во весь свой богатырский рост, показывая тем готовность быстро и беспрекословно повиноваться своему господину.

– Когда русы возьмут Белую Вежу. – Иосиф опять похлопал юношу по плечу. – Да, да, мой друг. Я реалист и предвижу, что будет дальше. Когда Святослав займёт крепость, то по их варварским обычаям всё их воинство будет праздновать победу. Будет много мёда и вина, а ещё будет много женщин. Так вот. Ты в последней битве участвовать не будешь, а будешь наблюдать со стороны. Когда русы поднимутся на стены, ты снимешь с себя все доспехи и переоденешься в платье купца. В подвале у Шафрута есть винные погреба. Вот ты их князю и откроешь, чем заслужишь его расположение.

Добрыня слушал царевича, боясь открыть рта. Такой план ему явно был не по нраву. А когда Иосиф сказал, что тот должен будет сменить платье, то не удержался:

– Прости, царевич, но я воин, а не торгаш.

– Глупец! Слушай и внимай каждое моё слово. От этого зависит очень многое. – Иосиф приблизил своё лицо к уху юноши и почти шёпотом продолжил: – Ты откроешь Святославу винные погреба Шафрута. Когда веселье будет в разгаре, ты будто бы невзначай подведёшь к нему Малушу.

– Зачем? – Добрыня не понимал взрослых игр и по настоящему был удивлён сказанному. – Зачем ещё нужна моя сестра?

– Ты ещё молод, хотя и отменный воин. В таких делах молодость только мешает. Но это не беда, время всё исправит. Ты подведёшь её к князю, чтобы он увидел её. Твоя сестра очень привлекательна и красива. Думаю, что Святослав, как ярый язычник, обратит на неё внимание.

– И что дальше?

– А дальше уже от тебя ничего не зависит. Твоя сестра должна остаться с ним на ночь.

– Да что ты такое говоришь, царевич? Как может иудейка лечь в постель с варваром?

Иосифу надоела наивность Добрыни, и он резко ответил:

– Хватит причитать! Она должна родить ему ребёнка. Не просто ребёнка, а сына!

– Зачем?

Дремучесть юного воина начинала надоедать. Царевич медленно выдохнул, успокаивая себя, потом медленно начал втолковывать Добрыне азы коварства:

– Когда Малка понесёт, ты будешь находиться рядом с ней. А вот когда родит, тогда ты станешь по правую руку сына Святослава, и будешь воспитывать его как наставник. Это будет троянский конь в русском княжестве. К тому времени я буду рядом с вами и буду наблюдать, как растёт русский богатырь.

Наконец осознав весь замысел царевича, Добрыня, наконец, улыбнулся.

– Вот теперь понятно. Это просто невероятно. Ты один из великих мудрецов, мой повелитель.

Иосиф позволил себе улыбнуться.

– Это, друг мой, борьба за выживание. Если ты всё правильно понял, то начинай действовать. Найди сначала Малушу и спрячь её от стрел русов. Да и сам особо не высывайся. У нас теперь с тобой другие планы.

Добрыня кивнул в знак согласия головой и спросил:

– А как же ты? Где будешь ты в это время?

Царевич улыбнулся.

– А я буду уже далеко отсюда. Но когда придёт время, я буду рядом с тобой и нашим князем. А сейчас меня ждёт лодка с гребцами. Проводи своего царевича к пристани. И сделай так, что бы нас ни кто не видел.

Две тени скользнули вниз по крутым ступеням к самой воде, держась тёмной стороны подальше от света факелов.

Глава 1

Весна в этом году пришла рано. С тёмных скал, расположенных у самого Студёного моря, медленно сползал снег, обнажая заиндевевший от морозов камень и скудную высохшую на его склонах прошлогоднюю растительность. Дикое, жутковатое место в народе так и прозвали – Камнем. Мало тогда кто помнил и знал, что когда-то, очень давно, это была единственная дорога спасения целой цивилизации. Именно отсюда начинался тяжёлый и долгий путь в тёплые земли для десятков тысяч людей, спасающихся от быстро надвигающегося ледника. Это был Великий Исход, описанный многими древними славянскими мудрецами и волхвами. Прародину славян, её эпицентр, расположенный на вершине всей планеты у подножия Священной горы Меру, называли Асгардом – городом Богов. Задолго до того, как обломок взорванной Лели стёр с лица земли древнюю святыню, хозяева этого города или Боги, как их называли предки, покинули планету и унеслись на своих небесных колесницах в другие чертоги по велению самого Творца. После них остались многочисленные ученики, владеющие сакральными знаниями великого созидания. Вот они и возглавили Великий Исход, собрав под своё начало тысячи людей из числа славянского рода. Боясь утратить и рассеять в пути свои знания, перед самым исходом, эти просветлённые знахари, оставили часть своих сакральных знаний и заветов в виде рукописей на пергаментях, кожах и камнях, а так же и отдельных созданных ими удивительных предметов в тайных пещерах Камня. Они верили, что придёт время, и эти пещеры откроются перед людьми. А открывшись, покажут всё величие славянской расы, некогда общавшейся с самими Богами. Лишь после того, как лёд отступил, те немногие, кто знал о существовании таких пещер, приступили к их поиску. Тайна об удивительных пещерах передавалась из поколения в поколение. Многие из страждущих погибали, становясь жертвами диких животных, умирали от голода или замёрзали на крутых склонах Камня, но поиски таинственных пещер не прекращались никогда.

Тёплое солнце вытапливало посеревший снег с южных склонов Камня и на свет, после лютотой зимы появлялись молодые первые зелёные побеги диких трав, молодых сосенок и пробивающихся к солнцу корявых тонких стволиков вековых кедров. Неведомо откуда, в совершенно безлюдном месте на свет из-под снега стали появляться крыши домов. Их было несколько десятков, но все они были добротные и крепкие, как могучие пни на опушках леса. Украшенные замысловатой резьбой в виде петушиных голов, морских рыб, диковинных лесных животных и разнообразных образов солнца с длинными лучами, как первые грибы выходили на солнечный свет, переливаясь разными яркими красками. Затерянный среди холодных скал городок звался Китежем, и строили его простые люди, пришедшие за теми, кто некогда разгадал тайну скрытых пещер. О самих пещерах люди не знали, потому, как это была тайна нескольких старцев – хранителей. Они изредка посещали Китеж, селясь в отстроенном специально для них детинце. В такое время они общались с горожанами, обучали тех грамоте и навыкам горного дела. Горы Камня были полны золотом и самоцветами, железной рудой, яхонтом и малахитом. Только взять все эти богатства, валяющиеся прямо под ногами, было не просто. Нужны были особые знания, которыми и владели эти старцы. Больше время хранители проводили непонятно где, появляясь лишь один раз в год, а то и в несколько лет в городе. Жители Китежа робко догадывались, общаясь меж собой о том, что уходят старцы в таинственные глубокие пещеры, в которых время течёт совсем по-другому, нежели в самом городе. Много поколений сменилось в затерянном городе, но старцы всё время были одни и те же, и приходили они, как правило, неожиданно – нежданно. А говорить об этой догадке во всеуслышание, было строго настрого запрещено.

В просторном светлом тереме, у большого окна, выходящего прямо на восходящее солнце, стоял высокий старик и задумчиво всматривался на яркое светило, медленно подни-

мающееся над острыми вершинами Камня. Поверх длинного надетого на него белого рубища, был накинута полушубок без рукавов из волчьего меха, а ноги обуты в высокие меховые мягкие сапоги, выделанные явно умельцем, поскольку как влитые сидели на его ноге. Человеку, знающему толк в такой обуви, было хорошо известно, что любой мороз, даже в лютую стужу для старческих ног, будет нипочём. Непокрытую голову старца покрывали длинные седые пряди ухоженных волос, а его совершенно белая борода, лежала у него на груди, доходя почти до самого пояса. Взгляд старика был задумчив и печален. Начинался новый день, начиналась новая жизнь, которая за короткий световой день могла принести людям радость или горе. В таких коротких отрезках времени проходила и его нелёгкая и по мирским меркам очень длинная жизнь. Во всём его не по-старчески крепком теле, во взгляде и чуть сгорбленной спине, чувствовалась непомерная усталость. Это не была в полном смысле физическая усталость, это была усталость от самой жизни. Устремлённый куда-то вдаль его острый взгляд слегка слезящихся глаз, уносил его в далёкое прошлое, которое он сам помнил уже смутно. Далёкие образы будоражили разум, и непомерной тяжестью ложились на его светлую душу. Перед глазами проносились чередой его детство и юность. В память врезался образ старика – его первого учителя Велирада, который учил его грамоте и житейским премудростям. Из глубины веков до него доносился его тихий голос, повествующий о северной земле с высокими белыми от снега вершинами гор, и таинственной пещере, в которой спрятаны великие знания предков. Кратко вспоминались годы лишения, проведённые в поисках этой пещеры. Голод и холод долгих лет одиночества. Из глубин памяти вставал измученный, но целеустремлённый его собственный образ едва повзрослевшего молодого мужчины. Изрезанные острым камнем ноги и руки в бесконечных подъёмах и спусках с крутых скал, истерзанная от пустых поисков безысходностью душа и постоянное желание всё бросить и уйти назад в свой дом к Ирию. Последний подъём во время быстро пришедшего с севера похолодания, последние мысли о прощении пред учителем за невыполненный урок на узкой тропе на покрывшихся льдом камнях, и меркнувший свет в глазах. Окоченевшее от нестерпимого мороза тело и огромное желание заснуть прямо на открытом выступе скалы и неожиданное пробуждение в тёплой пещере, куда его донесли чьи-то добрые руки. Это было новое рождение, которым он был обязан своему новому другу Атеону. Огромная, по их меркам, пещера, или череда взаимосвязанных между собой пещер, располагающихся прямо в скале и ведущих глубоко вниз под основание самой скалы, завораживала увиденным. Вырезанные на спилах огромных гранитных валунов, словно вековых дубах, древние тексты, рисунки, затейливые вязи рун и непонятных предметов, похожих на высокие дома с круглыми куполами, словно подвешенных в воздухе, вызывал тихий трепет в глубине души. Выдолбленные ниши в камне и тянущиеся на сотни локтей куда-то в темноту, были заполнены древними свитками, пергаментом, выделанными неизвестным способом стопками очень тонких шкур животных, исписанных знакомыми буквами, дощечками с вырезанными на них пока непонятными символами, завораживали своей древностью и манили тайнами. Тогда, казалось, что бы всё это прочесть и изучить, потребуется не одна жизнь. Время показало, что обладающие невиданной силой и знаниями предки, учили и это. Время в таинственных подземных пещерах текло иначе, чем на поверхности земли. Можно было предположить только то, что эти пещеры являлись частью непонятного пока мира этих божественных предков. А вот каким он был, этот их мир, понять и изучить его, тогда зависело только от них двоих – неутомимых и затерянных в пространстве и времени искателей истины. Неспешный ход мыслей старика прервал голос, неожиданно раздавшийся из-за спины:

– Вот ты где? Опять в уединении ищешь спасения?

В широком арочном проёме стоял преклонного возраста мужчина, очень похожий на того, к кому он обращался. Разница между двумя старцами была только в том, что только что появившийся был несколько ниже ростом, плотнее телом и в его белой длинной бороде как тёмные ручейки, вились тёмные волоски, придававшие ей пепельный оттенок.

– Негоже Род людей сторониться. Ты как с востока пришёл, тебя словно подменили. Стал молчалив и угрюм. На все вопросы односложно отвечаешь. Что гложет тебя? Вижу, что душа твоя мается и выхода ищет. Может, пришло время поделиться своими чаяниями? Глядишь и полегчает.

– Это ты Атеон? – Старец, которого называли Родом, нехотя отступил от окна и повернулся лицом к вошедшему. – Думаешь, время пришло?

– Нельзя себя так терзать. Может, вина какая на тебе? Так скажи, возможно, чем и помогу.

– Нет на мне никакой вины. А вот что дело до конца не довёл, вот это и мучает.

– Что за дело такое, от которого голова кругом идёт? Не связано ли оно с твоим путешествием за море?

Род понял, что от ответа, так или иначе не уйти. Слишком долго он хранил молчание, чем приводил своих друзей в отчаяние. Он сел на высокий стул и предложил сделать то же самое Атеону. Кивнув головой, будто бы решившись, наконец, открыться, он начал говорить:

– Всё правильно. Вернувшись из-за моря, я так и не смог понять, не смог узнать, где они сейчас и как их вернуть домой.

– Погоди, погоди. – Первые слова признания явно озадачили Атеона. – Ты это о ком? Кого нужно вернуть и куда? Говори толком.

– Вот так он всегда. Я ещё с Нарки заметил за ним способность говорить по существу ни о чём.

Неожиданно в комнату вошли двое мужчин. Тот, кто перебил только что начавшийся разговор, был небольшого роста в бурой медвежьей шубе и таких же меховых сапогах, облепленных мокрым снегом. Сгорбленное тело, чёрная косматая борода и такие же чёрные пронзительные глаза на изрезанном морщинами лице, делали неожиданно появившегося гостя, похожим на древнего, разучившегося ворожить лесовика. Он безостановочно взмахивал руками и тряс головой, находясь в высшей степени возмущения.

– Да разве это ж по-людски? За целый год ни слова не молвить? Может, ты обет какой кому дал? Так ты скажи, мы поймём.

Сзади на плечо возмущённого лесовика опустилась огромная ладонь, которая заставила того ещё больше сгорбиться.

– Хватит причитать Волхем. – Позади того стоял высокого роста и могучего телосложения мужчина. – Род знает, что делает. Как знать, может от его признаний легче никому не будет. Ты готов разделить с ним его откровения?

Волхем стряхнул со своего плеча тяжёлую руку и облегчённо вздохнул.

– Какая бы беда в том ни была, а кашу вместе мы жуём уж достаточно долго, чтобы сторониться от всяких там личных переживаний.

– Да погодите вы, сороки. – Атеон улыбнулся появившимся друзьям и указал им рукой на высокие кресла. – Присядьте. Сейчас он нам всё расскажет. Вижу, что время пришло. Так Род?

– Только всё начистоту говори. – Волхем не унимался. – Да так, чтоб понятно было.

– И то дело. – Могучий воин, не снимающий с себя доспехов даже ночью, обстучал об пол прилипший к сапогам снег и уселся в просторное кресло. – Говори, Род. Что бы там ни было, поделим всё пополам. И радость и грусть. Так мы вместе всегда делали и делать будем, а иначе какие мы хранители, ежели меж собой договора не имеем.

– Хорошо сказал, Олег. – Род приветствуя сказанное, кивнул. – Мне нужно было время, что бы самому разобраться кое в каких делах.

– Разобрался?

Олег опять одёрнул Волхема.

– Да уймись, колдун.

– Кое в чём. – Род не обращая внимания на колкости друга, продолжил: – Эта история давняя и началась она ещё в Нарке.

При слове Нарка все насторожились и три пары внимательных глаз, взяли в плен Рода.

– Однажды я находился у постели тяжелобольного старика. Его звали Колун. – Род взглянул на Волхема. – Ты его должен помнить. Он в то время в охотниках ходил. – Тот кивнул в ответ. – Был такой. Помню. И что?

– Просидел я у него в избе всю ночь. На его ранах повязки менял, да чем мог боль снимал. Медведь его подранил. Совсем плох был Колун и говорил через раз, с трудом. Но, то, что я от него услышал, перевернуло потом во мне всё.

– Интересно, чего он мог тебе такого рассказать, чего ты не знаешь? – Атеон с сомнением пожал плечами. – Говори, раз уж начал.

Род кашлянул в кулак, прочищая горло, но говорить так и не начал. За окном со смотровой башни у городских ворот раздался окрик дозорного. Несколько человек из числа охраны города кинулись к обитым железом воротам и стали снимать массивную поперечную запорную балку. С той стороны укрепленных стен города кто-то требовал открыть ворота. Такое случалось крайне редко. Сам Китеж был надёжно укрыт от посторонних глаз в расщелине гор, и набрести на него мог только случайно заплутавший охотник или тот, кто наверняка знал дорогу к городу. Поскольку прилегающая местность к горам была совершенно пустынна от людей, а путь к Китежу держался в строгом секрете, такое появление у ворот странника было делом особого внимания. О разговоре на какое-то время забыли и все разом подошли к окнам, разглядывая через них суесящихся дружинников, вытаскивающих из кованых проушин тяжеленную балку. Наконец одна створка ворот была приоткрыта, и на небольшую площадь перед смотровой башней вошёл путник, державший на поводу хромающую лошадь. По тому, как неожиданно появившийся мужчина, с трудом переставлял ноги, было заметно, что он был смертельно уставшим. Дозорные приняли коня и подвели его к стойлу, где того ждала целая охалка душистого сена. После короткого разговора с начальником дозора, двое дружинников повели путника напрямик к детинцу, в окнах которого были видны встревоженные лица четырёх хранителей.

– Ну, наконец-то. – Улыбка появилась на сосредоточенном лице Рода. – Я ждал этого человека уже несколько дней.

В глазах окруживших его друзей застыл немой вопрос. Наконец, Атеон первым нарушил молчание.

– Может, ты всё-таки скажешь, что это за человек, почему ты его ждал и почему мы об этом ничего не знаем?

– Я всегда говорил, что у Рода всегда что-то на уме, – Волхем хлопнул с досады себя руками по коленям. – И никогда слова у него не выпросишь. Ходит с опущенной головой и думки думает, а потом бац, и все мы как полоумные оказываемся втянутые в очередную его историю.

– Будет тебе, – Олег осадил раздухарившегося колдуна и подошёл к Роду. – Ну, что? Пойдём встречать незваного гостя?

– Я всё объясню. – Род кивнул головой, убеждая всех в его искренности. – Я обязательно всё объясню. Только с этим человеком сделать это будет намного проще и понятнее для всех.

– Будем надеяться, что так оно и есть.

Неугомонный Волхем первым направился к двери, а за ним потянулись и все остальные.

Первыми в терем вошли двое дружинников. За ними медленно переставляя ноги, вошёл и незнакомец. Все поклонились старцам, а один из сопровождающих обращаясь к Олегу как воеводе и своему начальнику, принялся объяснять, что случилось:

– Стучит и стучит в ворота. Позовите, говорит Рода. А ещё говорит, что его тут ждут. Мы пытались отогнать его от ворот, мол, иди своей дорогой, а он прёт на ворота и прёт. Пришлось пустить.

Олег кивнул головой и жестом руки отпустил дружинников.

– Кто ж ты будешь мил человек? Как дорогу к Китежу нашёл? Говори уж не томи.

Незнакомец снял с головы меховую шапку и утёр ею пот, выступивший на лбу. Потом поднял голову, и все увидели измождённое лишениями лицо, потрескавшиеся от ветра губы, впалые от бессонных ночей усталые глаза и давно нечесаную бороду. Он взглянул на Рода, и на его лице появилось подобие улыбки.

– К вам нелегко добраться. Если бы не ты, нипочём бы не нашёл. Но я и пришёл, как обещал. Как только снег сошёл, а я уже тут как здесь.

Род быстро подошёл к незнакомцу и обнял того за плечи.

– Я ждал тебя Михей и рад, что ты, наконец, добрался до Китежа. Вижу, что путь у тебя был не лёгкий, но всё это поправимо. Отдохнёшь с дороги, поешь и наберёшься сил.

Он обернулся к стоявшим чуть позади товарищам.

– Это Михей. Мой друг, а значит и ваш. Судьба нас свела далеко за морем, и главное, что мы вместе с ним начали долгий путь по поиску двенадцати апостолов. У него есть, что нам всем рассказать, но... – Род положил свою руку на плечо Михея. – Сначала по нашим традициям, нужно гостя накормить и спать уложить. А уж потом спрашивать.

Михей скромно улыбнулся.

– Спать некогда, да и не голоден я. – Он поднял усталые глаза на Рода. – Я нашёл их. Нашёл куда они ушли.

Неожиданно он покачнулся на ногах, но стоявший рядом Олег, успел подхватить падающее тело и легко, словно пушинку, забросил себе его на плечи.

– Ну, чего стоите? Дайте пройти. Человек совсем из сил выбился.

Не ощущая особой тяжести своей ноши, Олег донёс его в покои и уложил на просторную постель из струганных досок и накрытую соломенным матрасом. Ставив с него овечий тулуп, накрыл пуховым одеялом.

– Пусть отоспится. Какой, сейчас, из него рассказчик?

– И то верно. – Атеон, как старший среди равных, махнул рукой. – Пусть в себя придёт, потом спрашивать будем. А мы пока вернёмся в светлицу, и Род нам начнёт рассказывать, кто такие апостолы и почему вы с Михеем их ищите.

После того, как все заняли свои места в светлице, Род уже с другим настроением начал говорить. Появление Михея многое объясняло и меняло, а главное у Рода появилась уверенность, что всё сказанное им, и подтверждённое долгожданным путником, найдёт нужное место в душах его друзей.

– В ту ночь, когда Колун рассказывал мне о делах давно минувших дней, словно напоследок изливая предо мной свою душу, я мог бы набраться терпения и просто выслушать его, а потом уйти, забыв о сказанном как о некой сказке. Но неожиданно для себя я понял, что эта история началась не в Нарке, а далеко на севере в селениях варягов – солеваров. Ещё до того, как я пришёл в Нарку, мне довелось свидеться с молодым Руриком на берегах Ладоги. Для меня тогда было важным заручиться его поддержкой и помощью. Именно у берегов Руссы тогда должно было всё решиться. Вы помните, как это было. Войско Карачура догнало наш обоз у самого берега, и если бы не Рурик со своей дружиной, не сидели бы мы сейчас в Китеже.

При последних словах, Волхем вздрогнул всем телом, а Олег тяжело вздохнул. Вспомнились лишения долгих странствий и невосполнимые потери родных и близких. К этой теме они никогда не возвращались в частых беседах, и щадя душу каждого, разговор о походе к Руссе никто не поднимал. Сейчас такие воспоминания были необходимы, и Род предчувствуя, что они не согреют никому душу, быстро с ними закончил.

– Так вот, находясь в гостях на Ладогe у Рурика, один из старейшин поселения, поведал мне притчу об одном из ладожских островов. Этот остров находится почти в самом центре озера и его очертания легко можно разглядеть при ясной погоде. Однажды, прогуливаясь по берегу озера, я обратил внимание на этот островок. Старик, звали его Витак, сказал, что местные угры называют его Ваалом, в честь их бога. Однако среди русов ходит поверье, что когда-то, очень давно, когда только отступил лёд, и солнце согрело замёрзшую землю, на свет из-под воды появился этот остров. Однажды рыбаки, промышлявшие в озере рыбу на нескольких ладьях, попали в сильный шторм. Больше волны и сильный ветер, выбросили лодки на этот остров. Почти все ладьи были разбиты о прибрежные скалы и пошли на дно озера вместе со всеми рыбаками. Лишь одной лодке и трём рыбакам довелось спастись. Лодка та была сильно повреждена, и плыть обратно на ней не представлялось возможным. Когда шторм утих, рыбаки пришли в себя и начали обследовать остров в поисках пресной воды и какого либо пропитания. Долго они бродили по острову, но так ничего и никого не нашли. На пятый день они простились друг с другом и приготовились умирать от полного истощения. К ночи развели огонь, подкидывая в него остатки разрушенной лодки, легли на холодные камни и каждый напоследок вспомнил своих родных и близких. Неожиданно из-за чёрных туч в небе стали появляться яркие звёзды. Поднявшийся ветерок отгонял постоянно висевшие над землёй тучи за горизонт. Потом стало ясно как днём. Полная луна выкатилась на всеобщее обозрение и осветила землю своим жёлтым светом. В её свете весь остров неожиданно изменился. Высокие сосны и густые ели тут же перестали качаться и скрипеть стволами. Волны буйного озера утихли, и не стало слышно их плеска. На землю опустилась первозданная тишина. Рыбаки, видя такое чудо, поднялись на ноги и тут же обратили внимание, что вода, доходившая до прибрежных скал, отступила далеко, обнажив песчаное дно с причудливыми водорослями. На песке, в небольших лужицах воды в лунном свете плескалось много серебристой рыбы. Обрадованные рыбаки собирали эту рыбу руками и тут же её ели, сдирая зубами с ещё трепещущего в руках тела шкуру вместе с чешуёй. Насытившись, они насобирали рыбы впрок и хотели уже подниматься на высокий берег, как один из них обнаружил в скале небольшой проход, скрытый до этого от людских глаз глубокой водой озера. Соорудив факелы, они вошли в этот проход. Двигаясь по узким длинным коридорам, неожиданно появившейся из воды расщелине, они уходили всё дальше и дальше к центру острова. В тусклом свете факелов, они заметили, что каменный коридор, по которому они передвигались, был рукотворным. Кто-то специально расширял скальную нишу крепким орудием, что бы по ней можно было свободно идти. Наконец они вошли в просторную пещеру с высоким сводом. Эта пещера была правильной круглой формы, а посреди неё находилось небольшое озерцо с пресной водой. Напившись вдоволь, они осмотрели своё новое пристанище. Какая никакая, а крыша над головой на совершенно открытом острове и защита от холода и постоянно дующего ветра. Устав от долгого блуждания по длинным коридорам пещеры, рыбаки присели на тёплые камни и тут же заснули. Проснувшись, они увидели, что факелы их давно погасли, но в пещере было светло. Свет чудесным образом проникал через земные расщелины в скале и полностью освещал всю пещеру. Она оказалась гораздо больше, чем они её видели в свете факелов. Неожиданно открылись потаённые уголки и закутки рукотворного чуда. Вдоль дальних стен, как живые стояли в полный рост цельные человеческие образы, кем-то созданные целиком из белого металла. Сходство с человеком было настолько точным, что рыбаки тут же подумали, что в пещере помимо них, находятся ещё люди. Присмотревшись, они поняли, что эти образы не что иное, как точные копии самих Богов. Всего по счёту их было двенадцать. Двенадцать статуй из белого металла – это целый пантеон богов – предков, кому поклонялись сами рыбаки и всё население северных земель. Тут они поняли, что их спасению они обязаны этим Богам. Не просто воды озера отхлынули от берега. Не просто рыбаки нашли вход в пещеру и не просто остались живы после той страшной бури. Они упали на колени и долго благодарили своих спасителей за то, что

те подарили им вновь их никчемную жизнь. Набравшись сил, они смогли соорудить большой плот из упавших стволов деревьев и после того, как вода снова прибыла к берегу, отправились назад, сообщить радостную весть о возвращении Богов и обо всём ими увиденном старцам их поселения. Весть о вернувшихся Богах мигом облетела все окрестности. Уже скоро к озеру прибыла целая делегация из числа хранителей-волхвов. Они перебрались на остров, построив на нём временное убежище и однажды дождавшись, когда воды озера вновь милостиво отступят от входа в пещеру, прошли в заветный коридор. Со временем у каждого белого Бога появился свой хранитель-волхв, который общался только со своим Богом и передавал всем остальным людям его волю или наказания. Жизнь простого люда сразу преобразилась. Узнав о чуде, к берегам Ладоги потянулись пришлые люди. Среди них было немало искусных мастеровых, зодчих, ремесленников и опытных торговцев. На остров Ваала без разрешения хранителей-волхвов приезжать на лодках, было строжайше запрещено. Они сами приплывали к людям в ясную тихую погоду и говорили с теми от лица самих Богов. В то время на северных землях процветал мир, согласие и любовь. Всё бы ничего, да как-то прибыли к озеру чужеземцы из-за моря тёплого. Прослышали они о благоденствии народа северного. Прознали, что там люди живут под покровом Богов белых и везде у них мир да согласие. Вот и пришли из далека-далёка просить волхвов-хранителей о посольстве Богов белых в их дальние тёплые земли. Дескать, замучил их кровожадный царь Минос. Богам тёмным жертвы человеческие творит в угоду. Нет мира меж людьми да согласия. Хворь да голод, страдания да слёзы от его правления. Богам служит тёмным, потому и непотребу творит. Весь наш народ на колени стал и умоляет народ северный, который под Богами белыми живёт, отправить к ним посольство, веру светлую им принести и спасти жизнь мирянам и детям ихним, да души их во веки сохранить. Выслушали волхвы чужеземных гостей и сказали им, что сами они не вправе решать и потому с Богами разговаривать будут. Какой ответ те дадут, так и будет. А ответа, сколько ждать не сказали и отправились на остров. Долго ждали гости ответа. Всю зиму и весну. Наконец волхвы прибыли на берег к людям и сообщили, что Боги дали добро на посольство в погибающие от злого тирана земли. Прознав о готовящемся посольстве, много люда собралось на берегах Ладоги. Люди слёзно молили волхвов не покидать благословенную землю предков. Но волхвы были непреклонны. Они сказали, что это не их воля и отменить ничего не могут. Раз Боги решили, то так тому и быть. Погоревали, поплакали люди, да стали собираться в дорогу вместе с волхвами и Богами. Не захотели они оставаться одни без своих высоких покровителей. На больших плотах статуи Богов доставили к берегу и тут же перегрузили их на телеги. Волхвы заняли в образовавшемся строю своё место, и длинным червем обоз тронулся в путь. В дороге к нему стали прибывать простолюдины со всем своим нажитым скарбом. Целые семьи бросали свои дома и уходили вслед великому посольству. Тут же воевода Бобрец организовал крепкую дружину для охраны обоза и возглавил великое шествие. Долго шёл великий поход к морю Чёрному. По пути, прознав о посольстве двенадцати апостолов, к обозу присоединялись новые страждущие и паломники. Вливались в обоз целыми селениями. И когда голова этого великого посольства подходила к морю, то хвост его был всё ещё на севере.

Закончив говорить, Род оглядел своих товарищей. Те угрюмо молчали, переваривая услышанное. Наконец Атеон спросил:

– Не слышал я ничего подобного. А что ещё тебе рассказал Колун из Нарки?

Волхем подхватил:

– И причём тут вообще Нарка?

– Дело в том, что Колун успел сказать только то, что Нарка и была тем местом, где впервые остановилось посольство, чтобы решить, куда им двигаться дальше и подождать конец обоза.

– Успел сказать? – Олег удивлённо посмотрел на Рода. – Он что, так всего и не сказал?

– Не успел. К утру он испустил дух. Раны его были слишком тяжелы, и я смог лишь на некоторое время облегчить его страдания.

– И куда же они решили направиться потом?

Род медленно поднял плечи и опустил их вниз.

– Это мне и самому хотелось бы знать. Старики на Ладогe говорили, что после того, как Боги покинули их, вся северная земля пришла в упадок. Земли поросли дикой травой, пустые избы со временем разрушились, и целые города с тех пор покрылись толстым слоем земли и песка. Никто не приезжал больше из торгового люда, не стало слышно весёлого голоса ребятни, давно осела пыль из-под копыт многочисленного пасущегося на просторных лугах скота.

– Всё это печально. – Атеон поднялся со своего жёсткого кресла и подошёл к окну. – А тебе-то это зачем? Что ты хочешь найти на покрытых вековой пылью дорогах?

– Хочу отыскать в ней следы двенадцати апостолов.

– Зачем?

– Чтобы привести их обратно. – Род подошёл к Атеону и положил свою руку тому на плечо. – Старики из Ладоги вспоминали давний сказ и говорили, что уходя, волхвы клятвоу обещали вернуть Богов на свои законные места. Они понимали, что без их покровительства, наша земля оскудеет, а народ потеряет веру и смысл жизни. Начнутся распри, и брат пойдёт на брата. Кровавые войны захлестнут всю землю славянскую и погибнет много народа. Они не выполнили своей клятвы. Наши Боги остались где-то в чужих землях. Нужно их отыскать и вернуть назад.

– И ты взял на себя эту миссию? – Волхем недоумённо смотрел на Рода. – И где их искать? У кого спросить о том, что было когда-то далеко в прошлом? Умерли десятки поколений. Остались одни сказки, в которые даже дети верят с трудом.

Олег неожиданно поддержал Волхема:

– И то, правда. Отправляясь в такой далёкий путь, ты рискуешь так же не вернуться, как и те апостолы.

В светлице повисла напряжённая тишина. Было слышно, как проснувшаяся от зимы сонная муха скребёт по стеклицу своими лапками. Все понимали, что такое дело было благородным и нужным, но у него не было никаких перспектив. Это был путь в один конец. Неожиданно тишину прервал голос, от которого все вздрогнули. У арочного проёма в светлицу стоял, опираясь о стену Михей.

– Я знаю, где искать апостолов. За этим и пришёл. Если Род решит остаться, на то его воля. А я один отправлюсь на поиски. Апостолов нужно вернуть. – Он говорил тихим, но твёрдым голосом, в котором чувствовалась сила и уверенность. – Вы посмотрите, что на земле нашей делается. Князья наши, поставленные Богами землями нашими править, убивают друг друга из-за корысти малой. Народ бедствует, и нет меж ним согласия. Разбились по кучкам и кто в леса, кто в болото ушёл, подальше от гнева княжеского и поборов непосильных. Не верит народ им, вот и бежит с насиженных земель. А как враг приходит, так полыхают ихние города да селения, а жён и детей в рабство гонят. Такой вы участи хотите для народа своего? Сами спрятались на краю света в горах высоких, а остальных куда спрятать?

– Ты нас не кори по незнанию! – Олег насупил брови и сжал кулаки. – Не тебе за нас решать! Что трудно всем, про то мы знаем и помогаем, чем можем и нечего нас укорять в малодушии!

– погоди, Олег. – Атеон чувствуя бурю, начал успокаивать горячего воеводу. – Отчасти Михей прав, но нас всего лишь горстка, кто радуется за весь наш народ. Мы не настолько сильны, что бы помочь всем, но мы делаем то, что считаем нужным и полезным для всех. – Он указал рукой на свободное кресло, приглашая Михея присесть и продолжить беседу. – Ты говорил, что знаешь, где искать апостолов? Расскажи нам, а мы послушаем. Род все глаза проглядел, ожидая тебя с хорошей вестью. Поверь, что мы все рады тебя видеть и не нужно обижаться на колючие слова. Поверь, что меж собой, мы имеем на это право.

Род, стоявший у окна, кивнул, подтверждая слова Атеона.

– Говори Михей не томи.

– погоди, погоди. – Волхем, словно проснувшись, вставил своё слово. – А как ты с Родом-то познакомился? Начни с этого.

– Хорошо.

Начавшего было говорить Михея, перебил Род.

– погоди Михей. Я начал всё это дело, мне и начинать говорить.

Род удобно устроился в своём кресле и все поняли, что разговор будет долгим.

– С того момента, как Колун поведал мне, что Нарка была в своё время первой большой остановкой посольства, я поверил, что старики с Ладоги рассказывали правду и дал тогда себе слово отыскать апостолов и вернуть их на родину. Путь предстоял неблизкий. Для того чтобы его начать, пришлось снова вернуться на Ладогу, а потом в Китеж. Вы знаете почему. Потом началось строительство Китежа и опять поиски пришлось отложить. Только через несколько лет я ушёл из Китежа на поиски пропавших апостолов. Полагая, что всё посольство перебралось через море, я нанял одну торговую галеру и уже скоро был на чужом берегу. Меня высадили на берег недалеко от Царьграда. Оттуда я и начал свой путь. Удивительный город. Я видел величественный белокаменный собор – воистину заморское чудо. Много людей разных, бесконечно снующих подле него. Богатые и нищие, торговцы и ремесленники, дети и юродивые – кого только там я не встретил. Со многими из них я имел беседу. Я спрашивал, не знают ли они что-то об апостолах? Люди смотрели на меня как на безумного и смеялись в ответ. Один из нищих указал мне рукой на храм и сказал, что апостолы давно уж в том храме, а я ищу лжепророка. В самом храме я видел много рукописных икон с ликами святых, но не видел ни одной с ликами наших Богов. Огромный крест с распятым на нём человеком, меня сильно растрогал и ввёл смещение. Один из служек собора, удивлённо и с подозрением глядя мне прямо в глаза, сказал, что это сам Иисус Христос, и что именно это он принял муки на Голгофе за все грехи людские. Когда я спросил у него, в чём заключаются эти грехи, то он рассказал мне коротко о конах Прави, чем ещё больше ввёл меня в смущение. С неоднозначным чувством я покинул собор, так и не увидев апостолов, но в душе моей что-то перевернулось. Я вдруг почувствовал, что ответ где-то совсем рядом. Что-то я не досмотрел и не понял. Когда в задумчивости я вышел из ворот храма, то на его ступенях встретил одного нищего. По его виду было件件но, что тот не брал пищи в рот уже очень давно, а вместо обычной одежды, на нём были только порванные лохмотья, едва прикрывающие наготу. В своей задумчивости я бы прошёл мимо него, но неожиданно услышал родную речь и обернулся. Нищий, протягивая ко мне руку, просил кусочек хлеба. Я дал ему и хлеб и воду. Кое-как насытившись, он поведал мне свою историю о том, как попал в плен к половцам, а те продали его в рабство одному купцу. Воспользовавшись случаем, он бежал и долгое время скитался по чужим странам и городам. Когда силы стали покидать его, он остановился в Царьграде и жил несколько лет на милостыню прихожан храма. Как потом выяснилось, этот нищий был сотником в дружине Ярдыги, и жил в небольшом скиту, что неподалёку от Умани. Служил самозваному князю Кордове. Жили набегами, да грабежом. Однажды попали в засаду половецкую и его сотню положили всю до одного. Его самого взяли раненым и отвезли к хану. Тот приказал вылечить дружинника и продать подороже в рабство. Дескать, русы плохие, непослушные рабы. Пусть с ними другие мучаются.

– Свою прежнюю жизнь я отмолил. – Неожиданно Михей подал голос. – И дал слово, что больше никогда не возьму в руки оружие.

– Так это ты и был тем нищим?

Волхем сразу всё понял и это его почему-то развеселило.

– Да, это был я. Когда Род рассказал мне о пропавших апостолах, я сразу попросил его взять меня с собой. Его рассказ потряс меня и я был признателен и рад тому, что Род согласился. Чем дальше продвигались наши поиски, тем очевидней для меня становилась правда. Я

настолько увлёкся, что сейчас не представляю себе как я раньше обходился без этого. Поиски стали для меня целью всей моей жизни.

Атеон тут же спросил Михея:

– В чём ты видишь правду?

Тот не растерялся.

– А правда в том, что апостолы и весь этот великий исход были на самом деле и у меня есть теперь тому доказательства.

– Что ты нашёл? – Род был нетерпелив. Он с нетерпением ждал Михея, надеясь, что тот всё же найдёт следы исчезнувшего посольства. – Может тебе кто-то о чём-то рассказал?

Все заинтригованные, пока непонятной разгадкой дела, ждали продолжения от Михея. Тот запустил свою пятерню за пазуху рубахи и вытащил на свет, перевязанный тонкой верёвкой свёрток. Бережно освободив искомое от толстого куска чистой рогожки, положил на стол несколько свёрнутых в рулон листков тонкого пергамента.

– Что это? – Род тут же кинулся к столу и взял в руки эти листки. – Откуда это у тебя?

Когда он аккуратно развернул их, то все увидели несколько листов исписанных сажными чернилами.

– Я нашёл одного слепого отшельника. – Видя неподдельный интерес у всех присутствующих, Михей с радостью и гордостью за проделанную работу, продолжил свой занимательный рассказ. – Я долго искал его после того, как Род отплыл через море на родину.

Род поднял ладонь руки, перебивая тем самым Михея, и решил продолжить свой рассказ, чтобы не терять нить своего повествования и избавить всех от неловких вопросов любопытного Волхема.

– Много лет мы вдвоём бродили по Месопотамии и средиземноморью, пытаюсь найти хоть что-то, указывающее на следы апостолов. Так мы дошли до Красного моря, но поняли, что искали там напрасно. В Ерусалиме, один торговец, у которого была большая лодка под ветриллом, указал нам на остров Кипрус. Дескать, на нём живёт один слепой отшельник, по имени Фотий, который что-то знает о чуде, которое произошло много веков назад и всем это рассказывает. Народ слушает его, но всерьёз ничего не приемлет, поскольку считает того умалишённым. Хотя вещи, которые тот говорит, очень похожи на сказку, есть в них нечто, во что можно и поверить. Фотий христианин, носит нательный крест и молится Творцу Всевышнему. И если у русов есть к Фотию вопросы, то бедный Иаков за умеренную плату готов доставить их на своей лодке прямо на остров. Конечно, мы согласились и уже скоро сошли на берег большого острова. В поисках Фотия мы прошли пешком почти весь остров, но так его и не нашли. Я уже было подумал, что торговец всё это придумал, чтобы получить с нас немного денег, но неожиданно нам на пути встретилась женщина, которая и рассказала нам, что Фотий действительно когда-то жил в горах, и множество разных людей ходили к нему лечить всякую хворь. Потом Фотий исчез, но люди говорили, что его увезли с острова насильно несколько человек. Кто такие, и откуда они пришли никто не знал. Галера та, как говорили, ушла напрямиком на восток. Больше о нём ничего не было слышно, да и было это несколько лет назад. Дорожка к его жилищу давно поросла высокой травой, и никто туда больше не ходит. Тогда кроме отчаяния у меня в душе больше ничего не было. Почему-то верилось в то, что этот Фотий что-то знает важное, но где его теперь искать, да и жив ли, я не знал. Потом мы отправились в Царьград, и какое-то время занимались там поисками Фотия, но всё было тщетно. Фотий исчез. С того времени, когда я впервые ступил на чужую землю, прошло много лет. Я устал, и душа моя извелась. Нужен был отдых телу и покой душе. Я решил идти домой и позвал с собой Михея. Но тот наотрез отказался и был готов продолжать поиски пока жив и есть силы. Мы условились, что он, ежели что найдёт, то обязательно придёт в Китеж, а дорогу к нам я ему описал подробно. – Род облегчённо выдохнул, будто проделал тяжкую работу, потом взглянул на Михея. – Так ты нашёл-таки Фотия?

Михей с улыбкой на радостном лице кивнул головой.

– Я нашёл его и он многое, что поведал мне. Для тех, кто не посвящён в тайны апостолов, его рассказы воспринимались как вымысел и не боле. Потому люди и считали его блаженным. А эти свитки он хранил всю свою жизнь. Сказы и свитки о великом посольстве в их семье передавались из поколения в поколение. Теперь, как он говорил, ему некому это всё передать. Всё, что происходило много веков назад, поросло быльём, и люди потеряли память о великих делах апостолов. Теперь это никому не нужно говорил он, и передал эти свитки мне со словами: «Бери и храни память людскую о славных делах наших предков. Помни, что апостолы скоро сами возвратятся к себе домой. Это будет очень скоро».

Род тем временем расправил пергамент и уложил несколько исписанных убористым текстом листов один за другим. Все склонились над древней рукописью.

– Похоже, что писано глаголицей. – Атеон какое-то время внимательно разглядывал письмена, потом начал читать вслух:

– Сами себе те шли обры на княжение и забыли его, это сыны моря отошли от Руси, Боги русов не берут жертвы людские. Ни животные. Одни плоды. Овоици растущие. Зёрна, молочную сырую питьевую, в травах заброженную, и мёд, никогда живую птицу. Не рыбу, это варяги и эллины Богам дают жертву иную, страшную, человеческую, то не умеем делать потому, что Дажьбовы внуки и не умеем красться по иным стопам, чужим.

Читать написанное было сложно. Кое-где буквы стёрлись от времени, кое-где сплылись в одно тёмное пятно. Атеон то и дело прерывался, пытаясь разобрать витиеватую роспись древнего летописца и разглядеть стёртую временем сажу. Первый листок пергамента был прочитан и он, как некую реликвию, отложил его в сторону.

– Я так думаю, что это была первая встреча посольства с варягами, или чужаками, как их тут называли.

– Погоди, Атеон. – На Волхема страшно было смотреть. Его глаза только что не метали молнии. – Так вот они как Богам своим служат, кровопийцы! Они же живых людей на алтарь кладут! Как такое можно, Род? Вы посмотрите, – они же людей убивают в угоду своим Богам! Это что ж за Боги такие, которые крови людской просят в подаяние?

– Уймись, Волхем. – Род, как мог утихомирил старика. – Об этом ещё старцы сказывали с Ладогои. Значит, не сказки то были, а явь.

Тяжёлая ладонь воеводы неожиданно с грохотом опустилась на столешницу и все вздрогнули. Немногословный Олег, насупив густые брови, произнёс:

– Не мудрено, что наши Боги дали добро на посольство к этим варварам. А как иначе усмирить непотребные деяния? Сдаётся мне, что ни одним словом пришлось воевать с этим тёмным народом. Калёным мечом нужно вырезать такое. Наверняка хорошо вооружённых слуг у таких Богов было предостаточно.

– Погоди Олег. – Род уже выступал как миротворец в собственной семье. – Тебе бы всё мечом махать. Читай дальше Атеон.

Атеон придвинул ближе к себе следующий листок и начал читать вслух:

– Себе-то смотрите обе Сва, доимеете птицу ту и у начала вашего. Та ведёт вас до победы над врагами, это либо истины вновь. Там ждёт всех одержимо и ту красоту перед нами. Влечёт цветом осенним, такова будет в иное время, в котором рушты идут с вендами, они хотели унести Богов своих до моря и там угнездиться, это города помолья. Было там же много зодчего, которое ведь божественно, те помолья украшены ведь золотом, серебром и многим. Все древних Богов почитали, удерживаясь искушений, та ведома иным, так же они зрячие. Задерживаются на них и причитают. Новы и там же не имели родичи наши спокойствия, арабы ходили до тех. Торговались на торжищах богатствами теми, там же осевшим отрокам одерень давало это, та земля повидала ещё мерзости пору и злое выживание. Сами-то мы не так давно в горах Карпатских, до которых и там будем так же варяжцами

в злых язычниках, это либо поём, какие мы русы в славных днях этих. Имели спевы тогда от отцов наших о прекрасной жизни в степях. О славе отцов, это либо воевода Бобрец вёл русов до Голыни, по смерти обретя чин Перуна храброго гординства, то не запомнили уважительно.

Как же есть мы сыны отцов наших, имеющие любовь к памяти их. Говорим о них, как же были они силою нашей. Сила та идёт до нас от них потоком ливневым. Львиную тянем, говорим: – Есть мы.

Второй листок лёг в сторону.

– Всё правильно написано. – Олег ни как не мог унять. – И добром и мечом скверну выводили. Это по-нашему, хоть и тяжело им всем приходилось.

– Это Боги Белые силу им давали. – Род начинал понимать, что хотел сказать неизвестный летописец. – В образах Богов сила была заключена неимоверная. Старцы ладожские говорили, что те, кто оставил их в пещерах на острове Ваала, силу им дали неземную. Только сила эта тогда просыпается, когда они все вместе находятся в круге своём.

– Кто же дал им силу эту? – Волхем задумчиво осматривал потолок, пытаясь на нём найти ответ. – Я даже боюсь предположить, кто это был. Не уж-то...

Атеон прервал его размышления.

– А кто оставил нам в нашей пещере наследство? Кто Карту Мира изготовил? Кто сделал так, что, находясь в нашей пещере, мы живём уж какое столетие? Это ли не чудо?

– Да, – Олег вслед за Волхем поднял глаза к потолку. – Умели раньше чудеса делать. Только куда потом всё это делось? Где сейчас те, кого мы называем чудотворцами?

– Они улетели на своих вайтмарах в другие земли. – Род просто пожал плечами, будто знал ответы на все вопросы. – Об этом всё написано в древних писаниях, которых у нас в достаточном количестве на самом дне пещеры. Однако, давайте продолжим. Что там дальше, Атеон?

Тот подвинул к себе третий листок.

– В тех, которые клеветают о нас, это не имеем мольбище и рядом от того в поре стыднёй. Родники, где вода живая течёт, там свобода его и волки хищные не заглядывают.

Это Олдореху время напоминаем, того звали «рвач», который не имеет радости в Богах теперь. Слово не держит и красоты наши берёт нагло. Хитрость та везде, между нас распрю заготовил и то нежностью. Боится погоды.

Теми веками правились от родов и князя, это князь был Бравлень, который ждал поборов эллинов у берегов морских, в то время идём на зажатость ту, там рядом скотина, Скуфь даём попасти скотину в степях, сами-то бедны они, и такова Грецколань соединённая. По новому городили города и злobiliсь на нас, тем временем идём прочь до полуночи. Там будем два столетия, и там сами есть ведь от времен тех доньше. И днём этим имеем другого князя Бравлена, правнука деда своего. Тот говорит:

– Идите до полудня на Грецколань, грек между эллинами племя самостоятельное. Торгующее. Торговлю имели они во степях скотиной нашей. Хотят брать, она задаром, то имеем, она состаривается, оно его до моря. Гоните до своего края, когда русская земля и есть. Русская кривизна земли всей размещалась донизу, та пила кровь нашу, на нас надежды имея большие, ту отстаиваем во все дни, которую с рани имеем.

Это был последний листок. Дочитав, Атеон аккуратно положил его рядом с прочитанными.

– Они спустились в Грецколань с гор Карпатских и оказались между двух морей. Добром ли силой, но дома там строить начали и торговать с местными.

– Точно. – Род всё больше и больше вдохновлялся услышанным от Атеона. – Как и чем могли они помогали варягам и везде веру нашу насаждали.

Олег опять хлопнул ладонью по столешнице.

– Вот это верно! Это по-нашему!

– Да хватит стучать!

Волхем вскочил со своего кресла.

– Чуть что, сразу бах по столу! Силы много, что девать некуда? Пошёл бы поразмялся со своими дружинниками! За зиму те ожирели дальше некуда!

В приподнятом настроении все покатались со смеху от взбрыкнувшего Волхема. Тот, однако, не обидевшись на такое внимание, тихо и серьёзно произнёс:

– Ну и что дальше? Чего вы радуетесь, словно дети? Дальше-то что? – Он перевёл свой острый взгляд на Рода. – Отправишься в Грецколань искать исчезнувших апостолов?

Смех резко прервался и все посмотрели на Рода, будто сейчас от него зависела судьба всего человечества. Род продолжал улыбаться, словно обрёл в своей жизни определённый смысл. Лицо его помолодело, а плечи как и в былые времена расправились. В глазах промелькнула яркая искринка. Волхем подкатил свои глаза, понимая, что сейчас произойдёт. И он не ошибся. Род вышел из-за стола, и подойдя к окну, чтобы его лучше было видно в опустившемся сумраке, сказал:

– Теперь я знаю, где искать апостолов. Завтра начнём сборы и медлить не будем. За короткое лето нужно добраться до Карпат.

Михей потёр ладони рук, предчувствуя новые приключения, но Атеон не разделил его радость.

– Погоди Род. Не всё так просто. – Услышав слова осторожного Атеона, все притихли. – Ну, найдёшь ты их. Ведь не думаешь же ты, что апостолы с того времени остались без присмотра? Наверняка те волхвы и дети их детей уже давно канули в лету, а охраняют апостолов уже чужие жрецы и хорошо вооружённая охрана. Кто тебе позволит забрать их просто так?

Слова Атеона несколько отрезвили искателей. Род на некоторое время задумался, но улыбка вскоре вернулась на его лицо.

– Я всё расскажу этим хранителям. И если те не согласятся так отдать их законным владельцам, то я их просто выкуплю. Золота и самоцветов в кладовых у нас в достатке.

Казалось, выпад Рода был убедителен, но тут в перепалку вступил Олег:

– Я больше, чем уверен, что дальше Новгорода вы с таким грузом не пройдёте. Вас просто ограбят лихие люди, коих в тамошних лесах не счесть. Хорошо, если просто ограбят, а если ножами своими они вас порежут? Что ты, что Михей для таких людей не сила, а затравленный зверь. Сгинете и вы и всё золото, а апостолы ещё долго будут томиться в ожидании, что за ними кто-то придёт.

– И то верно. – Волхем почесал свой выпуклый лоб. – А что же делать тогда?

Олег поднялся из-за стола во весь свой могучий рост и улыбнулся.

– А делать вот что надо. Без надёжной охраны идти нельзя. Потому я иду с вами.

– Что? – У Атеона перехватило дыхание. – Ты-то куда собрался? А кто Китеж охранять будет? Кто людей защищать будет от кочевников, да всякого сброда шатающегося? Я с Волхемом?

Олег спокойно отреагировал на его выпад и сказал твёрдым голосом:

– Я пойду. Да ещё пару своих дружинников возьму. То дело святое, идти апостолов из плена выручать. По дороге, может ещё кто прибьётся к нашему обозу. Потихоньку дойдём. А в Китеже охрана хорошая и без меня справятся. Я вместо себя Косаря оставлю. Грамотный воин, давно пора его воеводой назначать. Справиться.

– Эх, удумал чего! – Не сидится в Китеже? А как же пещера?

Род внял словам воеводы и поняв, что в его полку прибыло, кинулся на защиту Олега.

– Прав воевода. Без его помощи нам не совладать с грабителями. А в Китеже ты с Волхемом останешься. Долго ходить мы не будем. Как только апостолов заберём, так сразу и домой.

Атеон не унимался, понимая, что такие поиски до добра не доведут.

– Не могу я вас отпустить! На мне вся ответственность за пещеру и за каждого человека в Китеже. На правах старшего я не даю вам своего согласия.

Он резко поднялся с кресла и хотел выйти из светлицы, в которой уже стужалась темнота. Неожиданно Волхем его окликнул:

– погоди, Атеон. – Выбив искру из кресала, он поджёг большой светильник, и в комнате стало уютней. – погоди. Я ведь то же собрался уходить. – Атеон молчал, не в силах, что-либо произнести. – Только я пойду не с ними. Я пойду в Киев. Говорят, там дела странные творятся. Очень уж мне хочется князя повидать, да посмотреть, какими делами он занимается. Не спокойно нынче на Руси стало. За всем пригляд нужен. Ты уж не сердись, но я прекрасно понимаю Олега. Засиделись мы в Китеже. Надобно мир посмотреть, да с людьми поговорить, а то киснем мы тут, словно капуста в бочке. Ты уж не сердчай на слова мои, но видимо тебе придётся остаться одному пока. Ты главный хранитель, тебе и хранить. А мы, как только управимся, так и возвратимся.

Атеон лишь в ответ покачал головой и напоследок тихо произнёс, будто разговаривал с самим собой:

– Рано или поздно, но это должно было случиться. Я чувствовал, что скоро останусь один. Видимо судьба у меня такая, свой век в одиночестве коротать.

Не говоря больше ни слова, он вышел из светлицы и отправился в свою опочивальню, где его ждали недописанные рукописи.

Род, качнув головой, горестно ухмыльнулся.

– Не хорошо мы с Атеоном поступили. Я-то ладно, а вот чего тебе в Киеве нужно? – Он с тревогой смотрел на Волхема, не понимая, куда тот клонит. – Что ты забыл в Киеве? Там сейчас не спокойно. Полно голодных наёмников и всякого сброда. Князь во все тяжкие пустился. Люди говорят, будто он несколько сотен наложниц себе отрядил, да капище огромное городит на лобном месте. После убийства своих братьев самолично сел в Киеве и видно грехи свои отмаливать собрался. Может не мешать пока ему? Чует моё сердце, что всё это добром не кончится. Может, пока с Атеоном посидишь, покуда мы не вернёмся?

Волхем как-то печально посмотрел на Рода, и на его сердце легла нехорошая тяжесть.

– А вы вернётесь?

Старик, у которого в глазах блеснула слеза, отвернулся и вышел вслед за Атеоном. Старого колдуна никогда ещё предчувствия не обманывали. Род только вздохнул ему в след. Потом он осмотрел своё немногочисленное войско и с горечью в голосе произнёс:

– Никто не знает, встретит ли он следующее утро или нет. На то не наша воля. Ну, что, страждущие? Ищите, да обрящите? Будем готовиться. Время не ждёт.

Глава 2

Как только солнце опустилось к горизонту, Любич стал собираться в дорогу.

– Ты куда это на ночь собрался? – Из-за широкой занавеси на него смотрели удивлённые глаза рано располневшей моложавой жены. – Чуть стемнеет – варяги по городу шастают в поисках таких как ты дураков. Потом кошели их режут, да шубы с плеч рвут. В последнее время совсем распоясались. Не смотрят ни на чин, ни на возраст. Всех под одну гребёнку чешут. Потом мёду напьются, да песни свои дикарские всю ночь орут. Не ходил бы ты никуда.

– Молчи, дура. – Ответ последовал быстро. – Ложись спать, да масло почём зря не пали. У меня дело важное. Богуяр кличет для разговора тайного.

Сказал и тут же пожалел. Языки у баб ещё те – помело рядом не стояло. За такие встречи и посиделки князь спросить может.

– Я туда, да назад. А ты дома оставайся. Нечего по соседям шнырять, да языком трепать почём зря. Сама знаешь, что за такой трёп без головы можно остаться.

Из-за занавески раздался продолжительный вздох, потом слегка скрипнули полаты.

– Вот и ладно.

Любич без стука прикрыл дверь и накинуд скобу на петлю. В темноте не видно, а дверь не откроешь. Да и самому спокойней, когда жена дома. Оглядевшись по сторонам, он плотнее укутался в овечий тулуп и завернул за угол дома. Солнце едва присело, как сумрак опустился на землю. Луна только набирала силу, а по земле уже тащились длинные колдовские тени от высоких деревьев, да причудливых крыш. Время духов, да всякой нечисти. Отчего-то стало жутко. Любич передёрнул плечами, ещё раз огляделся по сторонам, и стараясь тихо ступать, двинулся к дому Богуяра, который располагался почти в другом конце городища. В самом городе стояла тишина, нарушаемая лишь то и дело брехавшими собаками, да протяжным посвистом домашних сов, обитающих на чердаках. Где-то совсем рядом прошло несколько человек. По их хмельным и громким голосам было понятно, что варяги делали обычный для себя вечерний обход. Любич вжался в стену какого-то сруба и подождал пока те пройдут. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове стучал один вопрос – зачем он, княжеский купец, крадётся словно тать в темноте, трясясь словно перепуганный заяц от всякого шума? И зачем он вообще согласился на довольно сомнительные посиделки у Богуяра, да ещё какие-то тайные разговоры, которые до беды могут довести любого, кто хоть как-то косо посмотрит или подумает чего лихого про князя? Эта затея всё больше не нравилась ему, и мысль вернуться назад домой всё больше им завладевала. Почти у самой крепостной стены он ещё раз остановился и прислушался. С того места, где Владимир установил большое капище, уже в пол неба поднимались яркие огненные всполохи. Жрецы развели большой огонь и завели долгие песни. «Не к добру это» – тут же подумал Любич и прибавил шаг. Медовые речи Богуяра не давали покоя. Что-то удумал старый прощелыга. Казна княжеская давно пуста, а его кошелек исхудал настолько, что в пору начинать придаваться отчаянию и с пустой сумой выходить по миру. Такой нищеты купеческий Киев ещё не знал. Скорее от нахлынувшего отчаяния, чем от страха, Любич уже не таясь, в полный шаг подходил к избе Богуяра. На всякий случай обернувшись назад, он убедился, что за его спиной никого нет и тут же плюнул в темноту.

– Уйди нечисть. Не ходи за мной.

Произнеся заклинание, Любич кулаком несколько раз приложился к двери, которая тут же и распахнулась. Из тёмного проёма мелькнуло бледное пятно какого-то лица, потом лёгкий взмах руки пригласил его войти внутрь. Ругнувшись про себя и погасив желание ещё раз плюнуть только теперь уже в само это бледное пятно, он переступил порог. Тяжёлая дверь за его спиной затворилась, и таинственная рука слегка подтолкнула его в спину. Любич сделал

несколько шагов вперёд в кромешной тьме, но неожиданно из отворившейся перед ним ещё одной двери, ударил свет и раздался знакомый голос:

– Ну, где ты там? Лушка! Веди гостя прямо к столу!

От сердца отлегло, и пелена ночного страха скукожилась до размеров ноготка. Решительно переступив порог, ведущий в хоромину с накрытым столом, Любич остановился и ответил обязательный поклон.

– Будь здоров хозяин.

Богуяр подхватил под локоть дорогого гостя и потащил его прямо к столу.

– И тебе здравствовать Любич. Проходи и садись на почётное место за столом.

– Что это ты за мной, как за красной девкой ухаживаешь? – Такое внимание насторожило княжеского купца. – Почёт высказываешь, да на место хозяйское садишь? Не уж-то просить у меня чего собрался?

Богуяр несколько смешался, но тут же взял себя в руки.

– Да ты погоди спрашивать. Отведай пока с моего стола, а потом время придёт и потолкуем по братски.

Тучный Любич уселся на лавке и обвёл взглядом всю комнату. Размеры её оставляли желание быть гораздо большими. Только отесанные брёвна придавали ей праздничный вид и несколько расширяли по сторонам. Однако низкий потолок давил сверху и заставлял невольно втягивать голову в плечи. Широкий стол занимал почти всё пространство, оставляя с двух сторон узкие проходы. Но это было не главным. Главным было то, что стояло и лежало на самом столе. От такого количества разных блюд у Любича потекла слюна. Четыре толстенные свечи, явно не местного изготовления, освещали всю комнату. По нынешним меркам это считалось роскошью даже для князя. Слегка подрагивающий свет от свечей освещал на столе тушку молодого поросёнка, залитого каким-то белым соусом на огромном посеребрённом блюде. Вытянувшуюся в струну стерлядь с хреном. Вздувшийся с чуть подгорелой корочкой круглый пирог с зайчатинной. Тёмную тушку утки с гречневой кашей и много различных разносолов. Такое изобилие на столе невольно вызвало у него обильное выделение слюны во рту и лёгкое бурчание в животе.

– Это откуда у тебя такое пиршество? Из-за моря ты вернулся пустой, хотя отвёз туда пеньку и смольё, а в княжескую казну отдал сущие гроши? На что живёшь Богуяр? Не уж-то лихом прибываешь? Смотри, князь не одобрит такое лихоимство.

– Да будет тебе, Любич стращать. – Только тут купец обратил внимание на ещё одного человека, сидевшего в тени стола у другого его края. – Всё по-честному. А то, что Богуяр тебе угодить пожелал, так то от уважения к тебе и к князю.

Любич всмотрелся в знакомое лицо и не сразу признал купца средней руки Елизара. Тот совсем недавно прибил к Киевским торгашам и только потому, что у того были какие-то связи за морем в самой Византии.

– И ты здесь Елизар? – Любич насторожился. – Так это вы вдвоём что-то затеваете против князя? Зачем звали?

Голос его стал строгим, как и подобает чину. Урчание в животе прекратилось, а подозрения усилились. Богуяр медленно опустился на лавку неподалёку от него и спокойным голосом ответил:

– Окстись, Любич. Никто против князя ничего плохого не затевает. Мы наоборот помочь ему хотим, потому и тебя позвали, чтобы вместе это обсудить. – Острый длинный нож рассёк поросёнка на несколько частей, выпустив изнутри приятно пахнущий дымок. – Да ты кушай, кушай. Или тебе угощения мои не по нраву?

– Ну, раз так, то... – Купец подхватил рукой дымящийся кусок поросёнка и отправил его в рот. – Хорош. Ах, как хорош. Сметаны не пожалел.

Пряное мясо таяло во рту, а нервное напряжение потихоньку спадало. Видя, что трапеза началась, остальные подхватили приятное начинание. Отложив объединенную кость прямо на стол, Богуяр хлопнул в ладоши.

– Лушка! – В дверном проёме показалось бледное лицо приживалки. – Давай кувшин!

Лицо мигом исчезло, и тут же на столе появился огромных размеров медный кувшин. Хозяин, взяв его за витую ручку, слегка наклонил, и в глиняные чаши потекла тёмная ароматная струя хмельного напитка.

– Не уж-то вино? – Удивление Любича было не наигранным. – Откуда привёз?

Богуяр с достоинством настоящего купца ответил:

– Вино с Грецколани. Настоящее эллинское. – Он подвинул ближе к Любичу поднос с заморскими фруктами. – А это их виноград и плоды с южных деревьев.

Любич опять с подозрением уставился на купца.

– Ох, и врёшь ты Богуяр. Наверняка твой корабль не пустым пришёл.

– Истину говорю тебе – пустым. – Богуяр улыбнулся недоверчивому Любичу. – Только то, что на столе, для тебя берёг. А больше и нет ничего.

– Так уж и нет?

Богуяр мотнул головой и поднялся из-за стола.

– От тебя ничего не скроешь. Вот только мой товар не в трюмах лежит. Для того мы с Елизаром и пригласили тебя, чтобы товар этот рассмотреть ближе.

Любич совсем запутался, а хмельное вино ударило в голову. Стало весело и свободно, а напряжение, сковывающее его весь вечер, окончательно куда-то подевалось.

– Хватит меня загадками морить. Говорите, что за товар такой, что в трюме не лежит, а внимания к себе требует?

Любич неожиданно рассмеялся своей шутке. Он даже не заметил, что на него в упор смотрят две пары совсем не смеющихся глаз. Богуяр подлил вина в чаши и поднялся из-за стола.

– За князя! Здравия ему и всему его семейству!

Он быстро опрокинул содержимое чаши в рот и вытер мокрые губы рукавом рубахи. Гости молча последовали его примеру. Только после того, как вино было допито, а на столе образовалась груда костей от съеденного, Богуяр сказал:

– Больно на князя смотреть, как он мается. Варяги совсем обнаглели и домой не уходят. Непотребства творят в городе. Владимир с Рогнедой в своём доме, как в остроге сидят и на люди едва показываются. Торговля совсем захирела. Печенеги осмелели и на селения нападают. Грабят, насилюют, убивают. Народ к князю идёт за помощью, а князь сторонится их словно чужак. Видно, что силы нет у него. Капище воздвиг. Жрецы день и ночь в бубны бьют, да песни поют, а силы всё нет. Отвернулись от нас Боги. Теперь только беда одна. Может, что скажешь, Любич? Как дальше-то жить поживать? На своей земле чужаком себя чувствуешь и защиты ни от кого не добьёшься.

Любич молчал, нетрезвыми глазами высверливая дыру в чаше. Он всё слышал и понимал, но ответа на все эти вопросы у него просто не было.

– Проклятье на нас всех легло. – Голос подал Елизар. – После того, как князь братьев своих побил, всё и началось. Князь Минский Глеб не захотел повиноваться. Сжёг Слуцк, людей захватил меж Припятью и Двиной. В стан неприятелей Владимировых перешёл Ростиславович и Володарь. Русь по швам трещит. Может, скажешь, посоветуешь что делать-то? Ты рядом с князем ходишь, больше слышишь и больше знаешь.

Какое-то время в воздухе висела напряжённая тишина. Наконец Любич пошевелился и оторвал взгляд от пустой глиняной чаши.

– Вот оно значит как? Всё-то вы знаете и обо всём толковать можете? А не боитесь, что сейчас варяги заявятся, и за ваши вопросы вас на кол посадят?

Богуяр неожиданно ударил кулаком по столу.

– А пусть садят! Только не могу я смотреть на то, как мир наш чахнет, а вместо князя нами чужаки правят во главе с княжеским воеводой Добрыней!

– Цыц, дурень! – Любич оживился. Видимо при упоминании имени воеводы в его душе начался внутренний протест. Богуяр всё же достал его за живое, припоминая ему, как однажды Добрыня отобрал у Любича коня, которого купец держал в подарок князю. – Вижу, что жизнь не мёд у всех в Киеве. Слышу, как народ варягов поносит, да на Добрыню косится. Вижу, и как князь голову треплет от безысходности. Он варягам денег много должен, а где их взять не знает. Вот они сами и рыщут по домам да по хатам и всё, что плохо лежит, в мешки свои суют. Всё вижу, да только что делать не знаю, да и никто не знает. Князь совсем обессилел и веру потерял. Не помогают ему его Боги и знака никакого не дают.

– А правда, что у него в хороминах некий старик крутится и на веру свою иудейскую его подбивает? – Елизар забросил наживку и ждал, что из этого выйдет. – Сдаётся мне этот старик хазаретянин. Или я что не так понял?

Любич кивнул головой, вклиниваясь в навязанную ему беседу.

– Верно. Иудей тот с самой зимы проходу князю не даёт. То с одной стороны зайдёт, то с другой.

– А что князь?

– А что князь? Молчит и хмурится. Тот старик ему всё о крови напоминает. Дескать, в нём, в князе кровь иудейская течёт от матери. А что ещё говорит, то мне не ведомо. Они втроём с Добрыней запираются у князя, даже Рогнеду туда не пускают и целый день до вечера о чём-то толкуют. Только после этих толкований князь сам не свой ходит.

Любич неожиданно замолчал и совершенно трезвыми широкими глазами обвёл всю комнату, будто только что её увидел. Потом его глаза сошлись в щёлку

– А что это вы други мои мне песни про князя всё поёте? Ох, чую, что дело всё не в нём. – Старый торгош, наконец, понял, что его обводят вокруг пальца, как маленького. – Ну, хитрецы, теперь давайте всё начистоту! Чего удумали?

Богуяр понял, что пришло время говорить о главном. Плавню перейти к этому главному не получилось, теперь придётся идти напролом, но с чего начинать он пока не знал, и смутившись отвлёк глаза от княжеского купца. Елизар соображал быстрее, да и друга пришло время выручать.

– Ты как всегда прав, Любич. Слезными разговорами тебя не убаюкаешь. А дело наше вот в чём. – Зачем-то он осмотрелся по сторонам, хотя в доме кроме них никого не было. – За море я с Богуяром ходил. То тебе не известно. И там, у ромеев мне дали чётко понять, что торговать с нами будут лишь тогда, когда князь веру христианскую примет. Крестить они его хотят, но как сделать это не знают. Самый важный купец Антоний мне в самом Царьграде сказал – «Крестите князя, тогда я сам свои торговые корабли к Киеву поведу». Вот так, Любич. Не хотят ромеи с нами торговать, потому мы и пустые назад вернулись. Что скажешь купец? Куда за товаром теперь идти? Со всех сторон то печенеги, то норманны с варягами. До волжских булгар далеко, и степняков там тьма, да и товара такого как в Византии нет. Туда со всего мира народ съезжается, общаются люди, товаром меняются, мир поддерживают. А мир – это сила и благо.

Неожиданно витиеватую речь Елизара перебил Богуяр.

– Ты уж Любич не серчай на мысли наши, но город поднимем только тогда, когда князь силу возьмёт. А сила его там – за морем пока. Нам один грек священник говорил о некоем слепом старике. Имя у него... – Богуяр пошевелил губами, будто вспоминал имя на вкус. – Фотий. Этот отшельник живёт недалеко от Царьграда у самого моря. Так вот, этот священник сказал, что Фотий блаженный и часто на слух повторяет, что ждёт от князя руссов приглаше-

ния. Говорит, что князь сам его позовёт, только время ещё не пришло. А ещё священник сказал, что этот Фотий чего-то знает такое, отчего сам князь рад будет.

Одурманенный вином и всем услышанным, Любич медленно переваривал крамольные речи купцов. Не раз он сам слышал от ромеев, что те хотят торговать с единовѣрцами. Однако как заставить князя от Богов своих отречься, да ещё весь народ перекрестить на их лад, это было выше его понимания. Правы купцы, ох как правы, да только из сердца веры многовековой не вытравишь. Народ подняться может и смуту учинить великую. Что же такого должно произойти, что бы весь народ поверил, и крещение это принял? Любич не знал на это ответа. Однако, слова друзей о некоем Фотии, посеяли в его душе слабую надежду на благоприятный исход купеческого зговора. Безысходность и пустой кошель, да и скудная княжеская казна толкали на безумие. Как знать, может и в самом деле, этот отшельник что-то знает такое, отчего князь вновь силу обретёт? Нехорошие мысли колесом крутились в его голове, выветривая лёгкий винный хмель. Нужно что-то отвечать купцам. Будучи до крайности осторожным, Любич прощупал почву.

– А чего вы от меня хотите? Чтобы я князя уговорил на крещение?

Богуяр махнул рукой в ответ.

– Что ты Любич. Ни о каком крещении речь не идёт.

Ничего не понимая, купец вопросительно посмотрел на Елизара.

– Это как же? Сами говорите, что князя крестить нужно и тут же отказываетесь от своих слов?

– Не нам решать, креститься ему или нет. – Богуяр понял, что Любич готов помогать им в их лихом деле. – Всего лишь к нему нужно привести самого Фотия. А тот пусть скажет князю, всё что знает.

– Главное перед этим, с князем потолковать об этом слепом старике. – Елизар дожимал купца до конца. – Пусть поговорит с ним. Ведь приезжают к нему священники всякие и запросто разговоры ведут о вере своей. Князь никого не выгонял ещё и выслушивал всех до конца. Может статься, что и Фотия примет и поговорит с ним. А тебе только и нужно, что упротить князя на разговор этот.

Любич наконец понял хитрую задумку купцов. Только в этой задумке его голова оказывалась на кону. Елизар и Богуяр внимательно следили за тем, как в голове у Любича происходит тяжёлый спор с собственной корыстью, и видели в его глазах страх перед тем, как князь может отреагировать на просьбу купца. Выражение глаз быстро поменялось, когда он подумал о том, что за оказанную услугу Владимир может и щедро наградить. Иногда в его голове возникал вопрос – может открыться князю, да покаяться, что слушал речи непотребные. Отдать на откуп друзей своих, а самому тихонько крутиться подле княжеских ног, выпрашивая полушку в тяжёлый день? Придя к какому-то решению, Любич тяжело вздохнул и тихо заговорил:

– Хорошо. Убедили вы меня прощелыги. Вижу, что только о своём кошеле нужду имеете. Поговорю я с князем, но если он добро на разговор с Фотием этим даст, всю жизнь с каждого торгового кусок мне отдавать будете.

Напряжение тут же спало и на лицах купцов появились улыбки. Битва, хотя и не без потерь, была выиграна. А о куске, о котором упомянул Любич, можно будет поговорить и в другой раз.

– Вот и ладно. Значит, поговоришь с князем? – Богуяр ставил точку в разговоре. – А о своей доле в будущих наших промыслах не беспокойся.

– Поговорю, как случай представится. А вы пока корабль готовьте. Как лёд на реке сойдёт, так к морю и пойдёте. Только о разговоре нашем никто знать не должен. Кто проговорится до времени, прокляну на веки всё потомство!

Последняя угроза была лишней. Елизар с Богуяром в душе ликовали. Если удастся их план, то они будут первыми, кто привезёт в Киев много товара. Будет много денег, а значит больше возможности и власти. У самых дверей купцы опять ударили по рукам, клянясь в верности друг другу и предстоящему делу.

Любич вышел в темноту и проторенной дорожкой двинулся к своему дому. На небе плыла полная луна, а у крепостной стены на капище полыхали отсветы большого костра. Жрецы не жалели дров и крепко натянутых шкур на своих барабанах. Долгие и тоскливые их песни о былом могуществе продолжались. До восхода солнца было ещё далеко, а спать совсем не хотелось. Любич присел на завалинке у чьей-то избы и прикрыл глаза. С мерными стуками барабана раз за разом что-то отрывалось изнутри и отлетало в небытие. Душа разрывалась на части, в голове стоял крошечный туман, а сердце просило веры и любви. Трудно перейти болото, но всегда есть надежда, что по пути рука вот-вот схватит живую ветку и с её помощью закончится весь кошмар никому не нужного героизма. Настало время для принятия решения. Любич знал, что рано или поздно, но это должно было случиться. Он открыл глаза и прямо перед собой увидел звёздное небо. Яркие звёзды свысока смотрели прямо на него, а одна неожиданно сорвалась с места, и оставляя за собой светящийся хвост устремилась вниз. Через какое-то мгновение падающая звезда исчезла с небосвода, оставив лишь приятное воспоминание.

– Это знак.

Любич сказал это сам себе, но уверенность в своих силах, пусть и робкая, уже зародилась где-то внутри под самым сердцем. Он поднялся с завалинки и не спеша продолжил свой путь домой, не обращая внимания на громкие песни пьяных варягов, и поднявшийся вдруг холодный ветер.

Глава 3

В дорогу начали готовиться сразу же на следующий день. Олег с Михеем пошли в кузню и там долго объясняли мастеровым, как они хотят сделать повозку, чтобы она была удобна для долгого путешествия и имела скрытые места для оружия и золота. Род решил брать с собой целый сундук с золотыми чешуйками и ещё один с самоцветами. «Золото пойдёт на выкуп, да и лишним в дороге не будет, а цветные камешки будем менять на еду» – просто по-хозяйски рассудил он. Сундуки нужно было спрятать в одной из повозок, подальше от чужих глаз. Олег совместно с кузнецами чертил тонким прутиком прямо по земле рисунок будущей повозки и тут же умельцы вносили в этот рисунок свои коррективы. Сама повозка получалась довольно внушительных размеров с прочными стенами и жёсткой крышей над головой. Главным в ней было второе дно, где решили спрятать золото и оружие. Увидав почти готовый рисунок, Род покачал головой.

– В такую телегу нужно впрягать не меньше четырёх коней. А сколько корма с собой нужно будет брать, вы подумали? Зачем нам две повозки, когда мы втроём прекрасно разместимся в одной? И зачем вам столько оружия? – Старик рассмотрел в рисунке огромную нишу под полом, в которой легко могло поместиться несколько человек. – Вы собираетесь с кем-то воевать?

– Лишним никакое оружие не бывает. – Олег пытался отстоять свою точку зрения. – Наверняка кто-то в дороге прибьётся к нашему обозу, да и открыто идти нельзя – только привлечём к себе внимание. Лишние места под крышей в дождь не помешают, а коней нужно иметь в избытке. Летом они сами себя прокормят, но без них мы далеко не уйдём.

Завязавшийся было спор, прервал неожиданно появившийся на кузне Волхем.

– Олег дело говорит. Если открыто вам идти нельзя, значит, нужно прикинуться купцами. А купец без товара, не купец. Вот тебе и весь сказ. Куда-то нужно укладывать товар. Опять же без второй повозки вам не обойтись. А если с конями что? Где вы других возьмёте в безлюдном месте?

Род только отмахнулся от полученных доводов рукой, понимая, что Олег и Волхем как ни крути правы. Не хотелось тянуть за собой огромный хвост, но видать придётся.

– Делайте, как считаете нужным. – Он понял, что без него дело пойдёт быстрее, и направился было в детинец к Атеону, но неожиданно остановился. – А ты что здесь делаешь, Волхем? Ты, кажется, собирался в Киев?

Старый колдун несколько не смутился и тут же ответил:

– Так вы без моих подсказок даже из Китежа не выедете. – Острый взгляд Рода, заставил его открыть свои планы. – А чего нам порознь идти? Дорога до Новгорода одна – вот и поедем вместе. Вместе оно всегда веселей будет.

Хитрец и тут выторговал себе место в крытой повозке. Род только улыбнулся ему в ответ и продолжил свой путь в детинец. Предстоящий разговор с Атеоном сжимал сердце и тревожил его душу. Атеон замкнулся в себе и встреч с Родом не искал. Все прекрасно понимали, что это была не обида на то, что его оставляют в одиночестве. Это было сродни дремучей тоски и сердечных переживаний за своих близких ему людей. Из своей комнаты в детинце он почти не выходил, проводя время в написании какой-то книги. О чём она никто не знал и с вопросами по этому поводу его не тревожили, прекрасно зная, что когда книга будет готова, главный хранитель пещеры сам всё о ней скажет. Род тихонько отворил дверь в комнату Атеона и увидел того сидящим за массивным столом, с усердием и аккуратностью, присущей только ему, выводившим ровные буквы на белоснежном пергаменте.

– Ты совсем не выходишь на свет, Атеон. – Род прошёл в комнату, с участием и тревогой в голосе обратился к другу. – Твоя кожа стала белее пергамента. Без солнца нельзя – хворь изъест.

Атеон отложил в сторону заострённую палочку для письма и повернулся на голос.

– Это ты Род? Какое тебе дело до моей кожи? – Голос старика таил какое-то безразличие ко всему происходящему вокруг него. – Ты хотел что-то спросить? Спрашивай и уходи. До конца дня мне нужно закончить страницу.

У самого Рода кошки скребли на душе, а сердце было не на месте. На протяжении всей их жизни они поддерживали друг друга и словом и делом, потому и знали друг друга как никто другой. Род прекрасно понимал, что причиной всему его отъезд из Китежа и ещё то, что он принял это решение сам, без долгой беседы с другом. Такого раньше не было. Атеон замкнулся, перестал говорить со всеми и заперся у себя в комнате, словно отшельник.

– Я знаю, что не прав. – Род начал этот разговор, понимая, что он может быть последним на их жизненном пути. — Не ехать не могу. Люди должны знать всё о своих Богах и предках. Ты сам не раз об этом говорил. Об этом великом исходе апостолов должны все знать. Были времена, когда творились великие дела, а об этом никто не знает. Разве это справедливо?

Род на какое-то время замолчал, ожидая реакции Атеона, но её не последовало. Старик молчал и смотрел пустыми глазами в пространство.

– Мало того – апостолов нужно вернуть. Я уверен, что их кто-то держит в плену и не пускает на родину. Разве это не благая цель? А ты только представь, сколько я запишу сведений об их походе? Наверняка сохранились среди людей какие-то сказания и былины. По их следу будет легко идти потому, что там, где они прошли, выросли целые города и возводились прекраснейшие храмы. И, наконец, если я их не верну, то на наших землях будет править зло, а простые люди будут рабами этого зла. Нужно вернуть свет и истину домой.

Род закончил и ждал теперь ответа на свои вопросы. Атеон не спешил с ответом, и у него был сейчас такой вид, будто всё это его никоим образом не касается. Он поднялся со своего кресла и подошёл к окошку. Солнце было в полной силе и от его весёлых лучей по стенам комнаты бегали солнечные зайчики, отражённые от стеклица. Наконец Атеон повернулся к Роду лицом.

– То, что ты делаешь богоугодные дела, я не сомневаюсь. Как и не сомневаюсь в том, что ты найдёшь апостолов. – Голос старца был глух и печален. – Я хочу донести до тебя нечто другое.

– Говори, я внимательно тебя слушаю.

– Тебе никогда не приходило в голову, что апостолов не просто так держат где-то взаперти? Что их с каким-то умыслом не пускают назад на родину? Только вот вопрос – кто может обладать такой силой, чтобы удерживать их от возвращения? – Род молчал, не зная, что ответить. – Молчишь? Правильно делаешь, что молчишь. – Атеон, как оказалось, видел предстоящий поход несколько с иной стороны и намного дальше мог предвидеть всё, что может случиться с искателями апостолов. – Кто-то более могущественный стоит за всем этим. Только этот кто-то никогда и не за какое золото не отпустит своих пленников домой. Так ему нужно.

– Ты говоришь страшные вещи. – Род, наконец, обрёл дар речи. – Откуда тебе это известно? Ты заранее обрекаешь всё наше дело на неудачу.

– Я желаю вам только победы, и что бы вы все вернулись в Китеж целыми и невредимыми. Вот чего я вам желаю. А насчёт того, откуда мне это известно, скажу так – в мире что-то изменилось. Не заметили этого только такие, как ты. Откуда-то появилась огромная сила – не чета нашим апостолам. Боюсь, что если ты не поймёшь природу этой силы, то она потом не раз сыграет злую шутку с вами всеми. Вполне возможно, что увлечшись поисками, вы не заметите главного и уже никогда не сможете вернуться назад. Вот Род чего я боюсь. Но решение ты уже

принял сам, и отговаривать тебя нет никакого смысла. Идите и помните, что здесь в Китеже вас будут ждать ровно столько, насколько это возможно.

Такого откровения Род не ожидал услышать от своего друга. Однако он прекрасно понимал всю его озабоченность предстоящим походом и ответственность за каждого из них. Атеон всегда слыл мудрецом и правителем. Даже он сам не понимал, откуда тот черпает свои познания. Возможно частое пребывание в пещере, давало нечто большее, чем просто знания. Род не мог этого понять, поскольку большую часть времени проводил в бесконечных поисках по всему белому свету и был лишён подобного дара предвидения.

– Я услышал тебя Атеон. Ты многое знаешь и видишь наперёд, но есть ещё одна сила, которую не остановить ни мне ни тебе – это сила познания и правды. Мы все имеем право на это, и главное в этом – врождённое чувство справедливости, которое гонит таких как я вперёд в поисках истины, и не остановит даже если на кону таких поисков стоит сама жизнь. Спасибо тебе за напутствие и открытое сердце. Я верю в то, что мы найдём апостолов, а как там сложится дальше, я не хочу думать. У нас есть цель – благородная цель, и с лёгким сердцем мы отправляемся в дорогу. Теперь это наш путь. Надеюсь, что мы все вернёмся, и не раз будем вспоминать как стояли у истоков этого пути, трудные и счастливые дни, проведённые в дороге. Прощай хранитель и не поминай лихом.

Они обнялись у порога, как это было раньше, расставаясь добрыми друзьями и соратниками по своему нелёгкому пути хранителей памяти предков.

Весеннее солнышко постепенно прогревало и сушило влажную от снега землю. Кое-где уже начали пробиваться первые бледно-зелёные ростки. В воздухе запахло тёплой свежестью. У городской кузни столпилось немало любопытных поглазеть на работу своих кузнецов и плотников. Две, похожие друг на друга повозки, словно дома не колёсах, стояли рядом, а несколько рабочих заканчивали смолить дно в одной из них. Род с Олегом стояли тут же и наблюдали за не совсем понятными действиями строителей китежского чуда. Разглядев удивление и неуверенность в глазах заказчиков, к ним подошёл сам главный кузнец Ярий. Высокого роста и крепкого телосложения, всегда угрюмый, но с застенчивыми глазами, этакий витязь с сохой в руках. Как бы извиняясь за содеянное, он своим густым басом заставил замолчать без перебора рядом щебечущую молодёжь:

– Чем недоволен воевода? Али чем не угодил и тебе старейшина?

Олег указал рукой на одну из повозок.

– Какие-то они у тебя огромные вышли. А зачем дно смолите? Это же не лодка, чтобы её смолить. Наверное, тяжёлая получилась? Это ж сколько в неё коней впрягать придётся, чтобы её с места сдвинуть?

Кузнец усмехнулся в чёрную как смоль бороду и слегка смущаясь, начал объяснять неговорчивым купцам устройство не то лодки, не то повозки:

– Мы тут посидели с мужиками, покумекали и вот что решили. – При слове решили Род нахмурил брови. – Дорога вам предстоит дальняя через леса, поля и реки. Если по полям и лесам повозка пройдёт, то по воде никак. Вот мы и решили сделать её плавучей. Вы коней только отвяжите и тихонько её в воду подтолкните.

Ярий открыл дверцу кибитки и пригласил всех подойти и посмотреть на ещё одно устройство. У каждой из стенок был прикреплён кривой толстый прут. Кузнец отцепил один, и вставил его одним концом в отверстие квадратной формы, проделанное прямо в стенке повозки.

– Если этот рычажок покрутить, то колёса повозки начнут вращаться, и она поплывёт словно лодка. Вот так вот. Удобно будет переправляться с берега на берег.

– Ай да умелец. – Род понял задумку мастеровых. – Этак мы сократим свой путь вдвое, а то и втрое. Ай, да молодец Ярий.

– Я то, что? – Кузнец смущённо пожал огромными плечами. – Это всем миром соображали, а я только делал. И вы не смотрите, что она громоздкая получилась. Сама повозка лёг-

кая – можно вчетвером на руках нести. А ящики скрытные, как и велели в днище приспособили. Только тут секрет один знать нужно, чтобы открыть их.

Восторгу новоявленных купцов не было предела. Прямо с кузни в приподнятом настроении они пошли к скорнякам. Там во главе с Михеем несколько человек заканчивали готовить сбрую и всю оснастку для лошадей. Всё готовилось на совесть с двойной прочностью. В дороге многое, что может произойти. Не хотелось из-за пустяков застревать в пути и терять драгоценное время. Там же собирали и нехитрый купеческий товар: выделанные шкуры животных, меха, пеньку и душистые масла, приготовленные из горных трав. Двое дружинников Олега Гордей и Тихон, готовили к походу лошадей и оружие. Крепкие, молодые и не без бога в голове, они отобрали целую кучу разнообразного оружия, которого бы хватило на целую дружину. Увидев всё это, Род схватился за голову.

– Это куда всё? Мы что, воевать едем?

Олег с улыбкой на лице, успокоил старца.

– Я уже тебе говорил, что оружие лишним не бывает. Мало ли как оно там сложится. А если вдруг понадобится – где тогда брать? Коляя строгать?

Не желая ссориться с Олегом, Род отошёл в сторону и больше не возмущался. Ещё через два дня к отъезду всё было готово.

Провожать старейшину и воеводу пришёл весь городок. После обязательных поклонов и заверений в обязательном возвращении, повозки, наконец, тронулись в путь, и вышли за городские ворота. Парой лошадей первой повозки управлял Михей, а второй Тихон. Под днищем первой повозки спрятали сундуки с золотом и самоцветами. Олег строго настрого наказал Гордею ни на шаг не отходить от повозки и в оба глаза присматривать за сокровищами. Во второй под днище загрузили оружие, а саму повозку доверху набили тюками с разным товаром. В случае нападения на обоз, нижний борот повозки легко откидывался, что позволяло быстро достать оружие из тайника. Род, с набившимся в компанию Волхемом, сидел в первой повозке, а все остальные на конях следовали в обозе согласно боевому расписанию. Сам Олег замыкал движение и в его поле зрения были все люди и пространство вокруг обоза. Совсем молодой паренёк по имени Глеб, которого взял с собой в помощники Волхем, возглавлял обоз и выбирал дорогу для движения. «Вы не смотрите, что он молоденький» – Говорил всем Волхем. – «У парня светлая голова и быстрое тело. Потому и взял с собой, чтобы успевал замечать всё раньше меня. А я старый совсем – глаза не видят, уши не слышат, да и от тела остался старческий обрубок». Ему в ответ Олег только рассмеялся.

– Знаем мы твои не слышащие уши и не видящие глаза. Самому бы так слышать и видеть. Ты уж Волхем не прибедняйся.

Так с шутками да строгим надзором за обозом, на седьмой день подошли к Новгороду. В сам город, чтобы не привлекать излишнего внимания к обозу, решили не заходить и потому остановились рядом в рощице. Волхем, кряхтя выбрался из повозки, и отвязал от неё своего коня.

– Всё друзья. Здесь прощаться будем. Дальше мы с Глебом сами пойдём на Киев. Только тут в Новгороде я людей поспрашаю, что там да как в Киеве сейчас твориться и пойдём потихоньку дальше.

– Старый хитрец. – Олег первым подошёл к старику и обнял того за плечи. – Прощай Волхем. Без тебя скучно будет. Только я так думаю, мы ненадолго прощаемся. К зиме в Китеже встретимся.

– Прощай воевода. Обязательно встретимся, даже не сомневайся.

Прощание с Родом происходило чуть вдалеке от повозок, потому их разговора никто не слышал. Два умудрённых жизнью старика долго смотрели друг другу в глаза, и эти взгляды говорили о многом и без слов. Наверняка каждый из них вспоминал далёкое прошлое и те времена, когда они бок о бок творили великие дела. Жизнь расставляла всё по своим местам,

словно в этой карусели каждому отводилась строго своя роль и, наконец, указала на то, что пришло время, когда их пути рано или поздно должны были разойтись. Слишком тесно стало им вдвоём идти по одному пути, и кто-то могущественный разводил их в стороны, указывая на разные пути – дорожки.

– Прощай Волхем. – Было видно, что Роду с трудом давались прощальные слова. – Не знаю, увидимся ли мы с тобой ещё когда-то? Мне будет тебя не хватать. Постарайся выжить и вернуться в Китеж. Атеону одному будет трудно.

Волхем отвёл в сторону слезящиеся глаза и тихо произнёс:

– Я любил тебя, хотя не всегда и понимал. Прости, если когда был резок к тебе. Что-то подсказывает мне, что мы больше не увидимся. Рано или поздно это должно было случиться. Я своё пожил и пожил достойно. – Мокрыми от слёз глазами, он посмотрел на друга. – Найди их Род. Найди апостолов и верни их назад. Я, как и ты, верю, что после их возвращения на нашей земле, наконец, воцарится мир и порядок. А я, что смогу сделаю тут.

Они обнялись и потом разошлись в разные стороны. Род оглянулся назад в след Волхему и почему-то подумал о том, что обстоятельства, которые сейчас создались, не произошли случайно. Кто-то собирал большую головоломку из кубиков, и так получилось, что его кубики оказались в другом месте сейчас от кубиков Волхема и Атеона. Превратности судьбы или злой рок? Что же за сила играет судьбами простых людей, передвигая их по земле так, как ей захочется? Слова Атеона о некой силе, всё чаще заставляли его думать о ней. «Если не поймёшь природу этой силы, то она не раз сыграет со всеми вами злую шутку». Из задумчивости его вывел голос Олега:

– Род, пора в путь. Время дорого.

Будто бы очнувшись от сна, Род поспешил к повозке. Тихон хлестанул по крупу гнедую лошадь и обоз не спеша двинулся в южном направлении. Шли размеренно, щадя коней и сами повозки. Местность то и дело менялась с густых перелесков до обширных, необъятных степей. Под лучами набирающего силу солнца, яркая зелень превращала степь в зелёный океан, и порой казалось, что они плыли по бескрайнему зелёному морю. Безлюдные пространства настораживали и заставляли невольно быть начеку, поднимая из глубин души первобытные инстинкты. Часто на пути встречались небольшие речки и озёра с чистой ключевой водой. Не без труда на заболоченных отмелях приходилось наводить несложные переправы из сосновых веток и поваленных сухих стволов деревьев. На ночь останавливались, где заставал вечерний сумрак, а утром, чуть свет двигались дальше, наскоро перекусив остывшей с вечера кашей с копчёным салом. Провианта взяли с избытком, потому в людские поселения, лежащие на их пути, не заходили, обходя их стороной, подальше от любопытных глаз. Дни в дороге летели быстро, весна постепенно уступала место жаркому лету, и деревья полностью оделись в свой зелёный наряд. Земля расцветала буйством красок и запахов. После очередного перехода, ближе к вечеру подул свежий ветерок, а воздух наполнился плотной влагой.

– Море близко. – Род, пересевший из повозки на лошадь, полной грудью втягивал в себя чистый, слегка солоноватый воздух. – Скоро подойдём к Нарке.

При слове Нарка, Олег заёрзал в седле и натянул поводья. Когда его белый как снег конь остановился, он спрыгнул на землю.

– Ты чего? – Род удивлённо последовал его примеру. – Хочешь привал сделать?

Олег тяжело опустился на землю.

– Не могу дальше. Что-то не пускает. – Он распахнул ворот рубахи и с силой потёр рукой грудь. – Что-то щемит внутри.

Род с пониманием кивнул головой и присел на землю рядом с Олегом.

– Это прошлое тебя навестило. Сколько лет ты гонишь его из себя, а оно всё возвращается. Это память, дорогой друг. Ты до сих пор не можешь себе простить, что не уберёг тогда Елену, вот она тебе и напоминает. Как давно это было. Забудь и она отступит.

Олег в ответ качнул головой.

– Не получается. Видно всю оставшуюся жизнь нести мне это в себе. Это мой рок. Часто, когда закрываю глаза, вижу её. Она улыбается и протягивает ко мне руки.

– Вот видишь, она простила тебя. Ты свободен. – Род поднялся с земли и подошёл к своему коню. – Пойдём. Нужно навсегда избавиться от такого прошлого, иначе оно тебя сожрёт.

Олег последовал совету старика и поднялся с земли. За ними с интересом наблюдали все, кто был в обозе. Мало, что понимая, они переводили удивлённые взгляды друг на друга, пытаясь услышать хоть что-то в объяснение происходящему.

– Ты прав. Нужно идти. А по пути обязательно навестим Нарку или то, что осталось от неё.

Олег запрыгнул в седло и погнал своего коня вперёд. Ничего так и не понявший Михей, хлестанул лошадь кнутом по крупу, и обоз медленно двинулся вперёд. Облачко пыли из под копыт унёсшего вперёд Олега коня, указывало дорогу к когда-то существовавшему городку Нарка. За кромкой леса открылся вид на обширную ложбину с возвышавшейся над ней Лысой горой. Когда-то в былые времена дозорные хана Карачура наблюдали с неё за жителями города, перед тем как сжечь и разрушить весь город. Эти картины из далёкого прошлого навсегда врезались в голову Олегу. Ночное бегство жителей в лес, спасающихся от орд степняков и пылающие дома города. Ветер упругой стеной врезался в его голову и тело, охлаждая жаркие воспоминания. Конь нёс его вперёд через прошлое, пройти мимо которого сейчас было невозможно. За поворотом показались редкие обгоревшие столбы городской стены, торчащие из земли как кривые зубы неведомого исполинского животного. Олег резко натянул поводья, и когда его конь остановился, спрыгнул на землю. Сердце бешено колотилось внутри, а капли пота стекали по его лбу прямо в глаза. У небольшого завала из чёрных брёвен, некогда бывших городских ворот, он остановился и осмотрелся. Тёмные бугры земли, поросшие травой и кое-где истлевшие от времени крыши домов, лежали прямо у его ног. Где-то оставшиеся простенки и башенки печей, выложенные из камня, возвышались над этим кладбищем, словно таинственные стражники, оберегающие покой древней руины. Стало жутковато, но Олег уверенно повёл на поводу коня прямо к центру Нарки. Ближе к городской площади дома оказались менее сгоревшими, а одни из них только покосились от времени и вросли в землю. Видимо не всё сгорело тогда – кое что уцелело. Чисто инстинктивно, повернув от площади к своему дому, буквально через несколько шагов, Олег остановился, как вкопанный, не веря своим глазам. Его дом, как и несколько других рядом, оказался совсем не тронутыми огнём. Крепкие брёвна, связанные в замысловатый замок по углам, держали его стены и высокую крышу над ними. Он удивился ещё больше, когда обратил внимание на то, что крыша была перекрыта свежим камышом, слегка потемневшим от времени. На вид дом казался пригожим для жилья. Возможно даже, что в доме кто-то жил и по сей день. Олег привязал к покосившейся изгороди коня и подошёл к входной двери. Не став стучать, он ударом ладони заставил крепкую дверь, словно пушинку, распахнуться перед ним настезь, и не ожидая приглашения, сделал шаг через невысокий порог. Опыт бывалого воина, звериное чутьё и мгновенная реакция спасли ему жизнь на пороге родного дома. Олег скорее почувствовал, чем увидел, что в полумраке навстречу его голове несётся лезвие боевого меча. Отклонившись в сторону, Олег пропустил это лезвие мимо себя, заставив хозяина этого оружия приблизиться к себе, а потом с силой толкнул его всем телом в грудь. Послышался короткий вскрик, и отлетевшее куда-то в угол тело, опрокинуло на себя гору хлама в тёмном углу. Грохот упавшей утвари на голову незадачливого воина прокатился по всему дому. Олег даже не посмотрел в ту сторону, поскольку всё его внимание было приковано к женщине, стоявшей прямо посередине большой комнаты. Сумрачный свет в доме не позволил сразу разглядеть её лицо, но уже через мгновение, Олег потерял дар речи, когда начал различать в едва пробивающемся свете светлые волосы, распущенные по плечам, знакомые очертания губ и глаз. Горделивая осанка не оставляла никаких сомне-

ний – перед ним стояла его Елена! Ему казалось, что ноги вросли в пол, а к горлу подкатил острый как нож комок. Через темный бычий пузырь маленького оконца пробивался тусклый свет, но Олег вполне отчётливо видел каждую до боли знакомую чёрточку лица. Такого не могло быть, потому, что его Елена давно умерла и не могла находиться в этом доме. Это было какое-то колдовское наваждение. Женщина в белом простом сарафане до пят, стояла в трёх шагах от Олега и внимательно рассматривала незваного гостя. У неё не было страха в глазах, скорее в её глазах застыло удивление. Лёгкий их прищур говорил о том, что она старается вспомнить заросшее чёрной бородой и покрытое небольшими шрамами мужественное лицо гостя. Какое-то время, они вот так молча, и с интересом рассматривали друг друга, пока, наконец, хозяйка дома не спросила:

– Ты кто будешь воин? Почему ты врываешься в чужой дом, как к себе домой?

Комок в горле отступил, и Олег смог сделать глубокий вдох.

– Ты не поверишь, но это мой дом. Вернее когда-то был моим. – Красивое лицо женщины оставалось спокойным, хотя в её глазах появилось неподдельное удивление. – А вот, что ты тут одна делаешь среди развалин? Здесь ведь давно уже никто не живёт.

На её губах появилась улыбка.

– Если это так, то тебя очень давно не было дома, а мой сын из младенца превратился в настоящего воина.

В этот момент из тёмного угла дома донесся звук упавшей на пол глиняной чаши с характерным треском и рычание молодого хищника. Перед глазами Олега появился совсем ещё мальчишка, утирающий сочащуюся из разбитого носа кровь. Стало немного стыдно, и Олег поспешил оправдать своё вторжение.

– Ты прости меня юноша, в темноте не было видно тебя, только твой страшный меч. Вот и пришлось защищаться. – Олег перевёл свой взгляд на женщину. – Почему ты назвала меня воином? На мне ведь нет защиты, а в руках нет оружия.

Женщина продолжала улыбаться. Непрошенный гость не нёс опасности, скорее он был для неё интересным.

– Чтобы разглядеть в мужчине воина, не обязательно тому брать в руки оружие. Ты сам оружие и потому обычные одежды ремесленника или купца могут вызвать только удивление.

Женщина была не глупа и говорила, словно песню пела. Олег не отрывая глаз, следил за каждым её движением и вздохом, всё больше убеждаясь, что перед ним сейчас стоит его Елена. У него не осталось никаких сомнений после того, как она подошла зачем-то к столу, и взяв в руки вышитый рушник, аккуратно сложила его в виде птицы. Так могла делать только она!

– Как зовут тебя воин? – Её голос прозвучал неожиданно. – Назовись уж, раз в дом вошёл как гость, а не как разбойник.

– Меня зовут Олег. – Слова застряли в горле, когда он понял, какую глупость совершил. – Вернее меня раньше звали Койшей, а Олегом стали звать позже, когда...

Олег замолчал, не зная как объяснить такой поворот в его судьбе, потому, что тогда придётся рассказывать всю историю его жизни.

– А как твоё имя, прекрасная незнакомка? Откройся страннику.

Прекрасная незнакомка опять улыбнулась.

– Так у тебя два имени? Койша. – Она произнесла его первое имя, и словно смакуя на губах, попыталась что-то вспомнить. – Не слышала раньше такого имени. А меня зовут Елена. Родители меня так называли.

В этот момент в открытую дверь вошёл Род. Он слышал произнесённое имя и уже успел разглядеть лицо женщины. На какое-то время он замер у порога, не веря, что такое бывает. Теперь уже двое странников стояли у двери, и онемев от услышанного, во все глаза смотрели на обладательницу до боли знакомого и редкого имени.

– Елена. – Словно в бреду, Олег шёпотом повторял её имя раз за разом. Не веря в случившееся, он уже понял, что судьба вернула ему его Елену живой и невредимой. – Наконец я нашёл тебя моя Елена.

– Ты это о чём странник? – Услышав слова Олега, Елена несколько смутилась, но понимая, что её гость находится не совсем в нормальном состоянии, простила ему его вольности. – Кого это ты нашёл? И не стыдно тебе такое говорить замужней женщине?

Олег ничего не слышал, а только как заведённый тихо повторял:

– Она вернулась. Я нашёл её.

Род толкнул его в плечо, прерывая изливания души.

– погоди, Олег. Нужно во всём разобраться. Такое не может быть. Пойдём ка выйдем на свет, а то мне воздуха свежего не хватает.

Он схватив Олега под руку, почти насильно вывел того из дома. Тут же у порога отвесил ему крепкую пощёчину.

– Приди в себя! Это не та Елена! Она только похожа на неё и всё!

Олег, медленно приходил в себя. Он вытер пот, выступивший на своём лбу, и встряхнул головой.

– Род, такого не может быть. Это она! Мне её вернули!

– Да кто вернул? Ты в своём уме?

– Не знаю. Но это она.

В это время дверь распахнулась и на пороге появилась хозяйка дома. Позади неё, словно тень, маячила высокая фигура её сына. У совсем ещё молодого волчонка глаза горели подозрением и жадой убить любого, кто хоть прикоснётся к его матери. Род подумал, что правильно сделал, когда боевой меч убрал с глаз молодого воина подальше. Елена подошла к неожиданно появившимся в её доме странникам, и как ни в чём не бывало, поведала свою нелёгкую жизненную долю. Оказывается она до этого жила с родителями среди болгар у самого синего моря. Однажды к ним в Переслав пришли русы во главе с их князем Святославом. Среди его многочисленных воинов был сотник Радимич. Высокий и могучий, словно столетний дуб. Он сразу обратил внимание на молоденькую девушку, которая на площади торговала сладкими сливами. Между ними завязалась дружба, а потом эта дружба переросла в настоящую любовь. Родители Елены с радостью отдали видному воину свою дочь, желая ей лучшей доли в жизни, чем выпала им самим. Потом началась война. Святослав хотел продолжить свой поход в Грецию, но ему помешали. Император Византии Иоанн Цимисхий собрал целую армию и перекрыл все пути в Грецию. Войска Святослава совместно с болгарам и венграми разбили ромеев и дошли до Аркадиополя. Весной в самом Царьграде был заключён мир с Византией. Дорога на Грецию была открыта. Но этот мир продержался недолго. Уже летом император обманул Святослава, и тайно отозвал все свои войска и флот с других территорий. Он коварно напал на русов. Была страшная битва. Тогда много полегло воинов с одной и другой стороны. Но силы Святослава были намного меньше, и он был вынужден отступить и уйти из Болгарии. Остатки его войска пошли в Киев. В то время я уже носила Ратибора. Мой муж оставил меня здесь рожать и велел дожидаться его прихода. В дороге я была ему обузой, да и печенеги постоянно беспокоили своими набегами. Одним словом вот уже пятнадцать лет мы с сыном ждём его возвращения. Как-то пришло известие о том, что у Днепра печенеги устроили Святославу засаду и всех перебили. Тогда оттуда никто не вернулся. Но люди также говорили, что были и те, кто уцелел в этой битве. Всё время я думала, что мой Радимич выжил, но годы шли, а его всё не было. Вот так я тут и оказалась. Идти назад в Болгарию нет возможности, а в Киев незачем. Свыклась уже. Сына растить надо и жить надо как-то. Ты уж Олег не гони нас со своего дома, потому как идти нам, как оказалось, некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.